

ДАНИЭЛА СТИЛ

Награда

Даниэла Стил

Награда

«АСТ»

2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стил Д.

Награда / Д. Стил — «АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-100612-9

Совсем еще юной Гаэль де Барбе вступила в ряды Сопротивления. Но одно дело – смело смотреть в лицо смерти, а совсем другое – пожертвовать ради правого дела репутацией, зная, что отныне даже самые близкие люди будут считать ее предательницей и никто не должен заподозрить, что на самом деле это не так... Прошли годы, закончилась война. Гаэль стала известной красавицей-моделью, вышла замуж за миллионера, родила ребенка. Но испорченная в годы войны репутация по-прежнему пятнает ее имя. Неужели так будет всегда и неизвестная героиня не получит заслуженной награды?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-100612-9

© Стил Д., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Даниэла Стил

Награда

Danielle Steel
THE AWARD

© Danielle Steel, 2016

© Перевод. Т.А. Перцева, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Моим любимым и очень храбрым детям Беатрикс, Тревору, Тодду, Нику, Сэму, Виктории, Ванессе, Максу и Заре

Каждому из нас приходится вести свои сражения. Любыми способами. Чтобы выжить.

У каждого из нас свои потери – потери, которые приходится выносить и принимать.

Иногда нас обвиняют несправедливо, и приходится вновь подниматься из пепла.

Держитесь и будьте храбрыми, сражайтесь с отвагой, добротой, состраданием, прощайте врагов.

Любите так сильно, как только можете, делитесь друг с другом силой и помните, как я люблю вас и как горжусь вами. Всегда!

Всем сердцем и любовью с вами Д.С.

ВСЕМУ ФРАНЦУЗСКОМУ НАРОДУ

Лидеры, которые на протяжении многих лет стоят во главе французской армии, сформировали правительство... вступили в контакт с врагом, чтобы остановить боевые действия.

Но разве это поражение окончательно? Нет!

...ничего не потеряно для Франции. Франция не одинока!

Эта война не ограничивается лишь несчастной территорией нашей страны. Это мировая война.

Я... призываю французских офицеров и солдат... инженеров и рабочих...

Чтобы ни случилось, пламя французского Сопротивления не должно потухнуть и не потухнет!

Шарль де Голль. 18 июня 1941 г.

Мужество обладает способностью преодолевать опасность, несчастья, страх, несправедливость, продолжая при этом неустанно подтверждать, что жизнь со всеми ее печальми все же хороша.

Дороти Томпсон

Глава 1

Дельфина Ламберт, темноволосая серьезная молодая женщина, внимательно читала «Фигаро» в своей квартире на улице Шерш-Миди, затерявшейся на левом берегу Сены.

В Париже наступил новый год, а Дельфина в первый его день, как вот уже несколько лет подряд, читала газеты, не пропуская ни единой строчки. Историк и политический журналист, к своим двадцати девяти годам она успела написать две книги, и обе имели значительный успех. Кроме того, Дельфина периодически публиковала в прессе статьи на политические темы.

Жорж Пуатье, мужчина, с которым она жила, с улыбкой наблюдал за Дельфиной, уже догадавшись, что именно она читает: гоняется за мечтой, которой жила уже тринадцать лет, – но все же мягко спросил:

– Что ты ищешь?

Список публиковался дважды в год – 1 января и 4 июля¹.

– Сам знаешь... моя бабушка, – ответила она, не поднимая глаз: очевидно, боялась потерять место, на котором остановилась.

В списке было пятьсот имен, и Дельфина опасалась, что того имени, которое она надеялась увидеть, в нем снова не окажется. Пока все усилия последних двенадцати лет ни к чему не привели, хотя она неустанно работала над осуществлением своего проекта.

– Сколько еще они будут тянуть? – пробормотала Дельфина, опасаясь в очередной раз пережить разочарование.

Ее бабушку Гаэль де Барбе Паскуа, девяностопятилетнюю даму, происходившее беспокоило куда меньше, чем внуку, для которой оно стало священным делом. В газете печатался список удостоенных ордена Почетного легиона, высшей награды Франции.

Гаэль никогда не ожидала никакой награды и не питала на нее таких надежд, как Дельфина: мало того, считала их абсолютно необоснованными, однако та настаивала, что так будет справедливо. Вся семья знала, как упорно трудилась она над тем, чтобы бабушку не только оправдали, но и признали ее заслуги. Сама Гаэль примирилась со своей жизнью. События, за которые ее могли отметить, произошли так давно, во время войны. Эти главы ее жизни стали смутными воспоминаниями. Гаэль редко о них думала, если не считать тех моментов, когда Дельфина расспрашивала ее, что бывало редко. Она хорошо знала всю историю, и храбрость бабушки была для нее сильнейшей мотивацией и источником вдохновения. Бабушка стала великолепным примером личности, какой, по мнению Дельфины, должен стать каждый. И не важно: исправит правительство свои ошибки или нет, опомнится или нет, наградит ее или нет, – в глазах внучки она героиня, как и многие другие во время оккупации Франции немцами семьдесят девять лет назад.

Но тут взгляд Дельфины словно споткнулся. Она замерла, прочитала имя снова, будто хотела удостовериться, что это не обман зрения, что все правильно, и изумленно уставилась на Жоржа.

– О боже! Она в списке... бабушка в списке!

Это случилось! Все ее письма и годы тщательных расследований, а также привычка не давать покоя ни одному сотруднику администрации президента, до которого она только могла добраться, наконец-то принесли плоды. Бабушку наградили орденом Почетного легиона и даровали рыцарское звание.

В глазах Дельфины стояли слезы, руки дрожали, когда она показывала газету Жоржу. «Гаэль де Барбе Паскуа». Дельфина перечитывала имя снова и снова. Нет, ошибки быть не может: наконец-то ее бабушку оценили по заслугам.

¹ День независимости, национальный праздник США. – Здесь и далее примеч. ред.

Жорж широко улыбнулся Дельфине и перегнулся через стол, чтобы поцеловать: наконец-то она добилась того, на что потратила годы. Хотя бабушка всегда и говорила, что все усилия бесполезны, мечта благодаря Дельфине стала явью.

– Браво! Молодец! – воскликнул он с гордостью.

Он, как и Дельфина, никогда не сомневался, что ее бабушка – удивительная женщина, а теперь об этом узнают не только соотечественники, но и весь мир!

Через минуту Дельфина встала из-за стола, намереваясь позвонить бабушке: ей не терпелось поскорее с ней поделиться новостью. Бабушка наверняка не потрудилась прочитать утреннюю газету и уж тем более уделить внимание списку. Гаэль отнюдь не была оптимисткой в этом отношении и всегда твердила, что это невозможно. Дельфина сумела доказать, что она ошибается: нужно было лишь набраться терпения и проявить настойчивость.

Все еще дрожащими руками она набрала номер, но попала на голосовую почту.

– Бабушка никогда не пользуется мобильным, который я ей подарила, – пожаловалась она Жоржу.

Гаэль заявляла, что все это для нее слишком сложно и мобильник ей совершенно не нужен: куда надежнее домашний телефон. Дельфина вздохнула и позвонила еще раз – теперь уже на домашний номер, – но в трубке были слышны лишь длинные гудки. Автоответчик тоже оказался выключен, и Дельфина, с досадой положив трубку, вернулась к столу. Терпение ее было на исходе.

– Она, возможно, с утра отправилась в церковь, – заметил Жорж.

– Или вывела собаку. Чуть позже позвоню еще раз.

Но ни через десять минут, ни через полчаса оба телефона по-прежнему не отвечали. Дельфина, не в силах хранить новость, вместо бабушки позвонила матери, и та пришла в такой восторг, что разразилась слезами. Обе столько лет надеялись на справедливость, хоть бабушка и была очень скромна в отношении своих достижений. Обеих раздражала невозможность связаться с Гаэль немедленно. Несмотря на возраст, она не жаловалась на здоровье, была крепка умом и телом, рано вставала и любила встречаться с друзьями, ходить по музеям и театрам, подолгу гуляла с собакой в округе или вдоль берега Сены.

– Ладно, попозже ей позвоню.

Дельфина попрощалась с матерью и снова взяла в руки газету, словно хотела убедиться, что имя по-прежнему в списке и все это не было иллюзией. Кульминация мечты... Никто больше Гаэль не достоин награды!

Этим утром Гаэль Паскуа поднялась рано, как, впрочем, и всегда. После гимнастики поджарила тост и с наслаждением выпила большую чашку кофе с молоком.

Приняв душ и уложив модно подстриженные белоснежные волосы, эффектно обрамлявшие черты лица истинной аристократки, Гаэль оделась для визита к подруге Луизе. Обе жили в седьмом округе, так что она решила пройтись от площади Пале-Бурбон до улицы де Варенн пешком. Район считался престижным, хоть здание, где находилась ее квартира, и не отличалось изысканностью. Мадам Паскуа была многим известна в Париже как владелица дорогих картин и антиквариата, и двери ее квартиры для друзей всегда были открыты.

Выходя, она взяла на руки длинношерстную таксу Жозефину. Гаэль и эта собака были неразлучны. Таксу подарили ей внуки. Гаэль надела любимице поводок, пообещав прекрасную прогулку.

Несмотря на возраст, Гаэль жила одна, сама готовила, в четырех стенах не сидела и старалась почаще развлекаться с друзьями. Домработница приходила по будням днем. В восемьдесят восемь она наконец, пусть и неохотно, оставила любимую работу хранителя небольшого, но известного музея, который помогала создавать и которому была предана почти полвека.

Вместе с подругой Иллъ посетила все достойные внимания новые выставки в Париже. Подруга Луиза, на десять лет ее моложе, тоже не жаловалась на здоровье. Дочь ее жила в Индии, а сын уехал в Бразилию, так что благодаря Гаэль она не страдала от одиночества. Женщины дружили вот уже пятьдесят семь лет, с тех пор как Гаэль вернулась во Францию, после шестнадцати лет, которые прожила в Нью-Йорке. Луиза была постоянной посетительницей музея, где трудилась Гаэль, и скоро они стали преданными подругами и единомышленницами.

У Гаэль было две дочери: одна жила в Нью-Йорке, другая – в Париже – и трое внуков. Луиза же видела детей и внуков раз в год, когда летала к ним, но, несмотря на это, была весела и жизнерадостна. Ее муж служил в дипломатическом корпусе, и в молодости они подолгу жили за границей.

Старшая дочь Гаэль была инвестиционным банкиром и финансовым гением, как покойный отец. Младшая дочь, Дафна, акушер-гинеколог, вышла замуж за кардиолога. Оба до фанатизма любили свою работу, были страшно заняты, чтобы навещать Гаэль, но всегда были рады ее видеть у себя. Та же всегда твердила, что не желает им мешать, и предпочитала заниматься своими делами. Большинство ее друзей были значительно моложе, поскольку мало кто из ровесников сохранил активность и, как она, по-прежнему живо интересовался внешним миром.

Гаэль очень гордилась своими внуками. Дельфина занималась журналистикой, ее младший брат учился на медицинском факультете и мечтал стать доктором, как родители, а его брат-близнец поступил в НЕС – лучшую в мире школу бизнеса.

Гаэль и Луиза очень весело проводили время: сначала планировали, куда отправятся, чем займутся. Они могли поехать куда-нибудь на уик-энд, например, посетить выставку в Риме или оперу в Вене, побывать на культурных мероприятиях в Лондоне или Мадриде, погулять по променаду в Довиле. В общем, Гаэль по-прежнему вела интересную насыщенную жизнь и совершенно не ощущала своего возраста.

Она неспешно, но твердым шагом направилась к дому подруги на улице де Варенн, рядом семенила Жозефина. Гаэль любила Новый год: всегда ждала от него чего-то особенного, волшебного. Будучи неисправимой оптимисткой, она жила не прошлым, а настоящим, потому что считала неконструктивным думать о том, что осталось позади, и предпочитала смотреть вперед.

Мадам Паскуа сохранила гибкость и стройность фигуры и хороший вкус во всем, что касается моды, хотя одевалась сдержанно, как и подобает даме ее возраста. Манера держаться, осанка безошибочно выдавали в ней француженку. Гаэль так и осталась парижанкой до мозга костей.

Добравшись наконец до нужной улицы, она миновала музей Родена и Матиньонский дворец, где располагалась резиденция премьер-министра, и остановилась перед массивными старыми воротами, выкрашенными в темно-зеленый цвет. Луиза жила в одном из величественных домов восемнадцатого века – с внутренним двором, каретными сараями, превращенными в гаражи, и ухоженным садом. Едва Гаэль стукнула молотком, швейцар открыл тяжелые ворота и вежливо приветствовал гостью. Она поднялась на крыльцо, позвонила в дверь, и ее встретила горничная. Гаэль оставила пальто в прихожей, сняла с Жозефины поводок, такса пулей бросилась в гостиную, где у камина сидела Луиза, а в ногах у нее лежал идеально ухоженный белый пекинес Фифи. Собаки очень обрадовались друг другу и принялись возиться. Луиза широко улыбнулась подруге, и Гаэль, чмокнув воздух у ее щеки, произнесла:

– С Новым годом!

– Поздравляю и тебя! – воскликнула Луиза, после того как та заняла свое любимое кресло. – Наконец-то это свершилось!

– Ты о чем? – немного опешила Гаэль. – А, ты имеешь в виду, что в свои девяносто пять я дожила до очередного Нового года?

Луиза с улыбкой смотрела на нее и молчала.

– В таком случае поздравляю с этим и тебя, – рассмеялась Гаэль.

Луиза в свои восемьдесят пять располнела и, будучи невысокой, выглядела уютной бабушкой, хотя и не утратила энергичности.

– Ты что, не читаешь утренние газеты? – удивилась подруга.

Это было первое, с чего начинался ее день, поэтому она всегда была в курсе мировых событий. Впрочем, обе дамы не пропускали ни одной книжной новинки, обсуждали прочитанное и были настоящими кладями информации. Дафна всегда говорила, что в присутствии матери ей за себя стыдно. Сама она была так занята на работе, что не успевала читать, не говоря уже о романах. Исключение составляли только медицинские журналы.

– Терпеть не могу читать газеты за завтраком, – отмахнулась Гаэль. – Это угнетает меня. Все эти мировые трагедии, преступления против человечества и природные катастрофы... Сегодня в честь праздника решила обойтись без прессы.

– Вот как раз сегодня следовало бы почитать, – загадочно улыбнулась Луиза, откровенно забавляясь замешательством подруги.

– Я пропустила что-то важное? Какой-то скандал? У президента новый роман? – весело осведомилась Гаэль.

– Нет, дорогая, – покачала головой Луиза. – Что ж, тогда мне особенно приятно, что я поздравила вас первой, мадам кавалер!

Гаэль ошеломленно уставилась на подругу:

– Шутишь? Не может быть! Бедная Дельфина годами осаждала канцелярию президента, но я и представить не могла, что такое возможно!

Луиза знала, что Гаэль в юности участвовала в движении Сопротивления во время войны и не раз рисковала жизнью, потом пережила ложное обвинение в сотрудничестве с нацистами, и эта тень преследовала ее всю жизнь. Внучка храбро сражалась за доброе имя бабушки, и наконец ей удалось почти невозможное.

– Очевидно, тебя оправдали. Не знаю, как Дельфине удалось их убедить, но это произошло: ты получила орден и признание, которого заслуживаешь.

Если уж Луиза так гордилась подругой, то Дельфина, наверное, и вовсе была на седьмом небе!

– Откуда ты знаешь, что все эти сплетни неправда? – горько вздохнула Гаэль, возвращаясь мыслями в прошлое. – А вдруг я лгала тебе?

– Я никогда не сомневалась в твоих словах, потому что знаю тебя, как себя. В конечном итоге справедливость восторжествовала.

Гаэль слушала молча, глядя на огонь, наконец подняла глаза:

– Это было так давно! Какое значение это имеет сейчас? Я всегда знала правду, но не смогла спасти многих людей или хотя бы изменить их жизнь...

Опять вспомнилась Ребекка. Все началось с подруги, которую Гаэль потеряла, когда обеим было по семнадцать. У Гаэль до сих пор в маленькой кожаной шкатулке на письменном столе хранится лоскуток ее ленты для волос, и время от времени она открывает ее, чтобы вспомнить любимую подругу.

– Надо позвонить Дельфине и поблагодарить, – задумчиво произнесла Гаэль. – Она так много сделала, чтобы это в конце концов произошло!

Увидев, что подруга потрясена новостью, Луиза погладила ее по руке:

– Ты достойна этого, Гаэль, так что не должна чувствовать себя виноватой. Ты делала все, что могла. Для всех.

Гаэль, погруженная в свои мысли, кивнула. Было бы замечательно, чтобы это оказалось правдой...

Глава 2

В декабре 1940-го, через полгода после оккупации немцами Франции, Гаэль де Барбе исполнилось шестнадцать. Она жила с родителями в семейном поместье в Валансене близ Лиона. Брат Тома был на два года ее старше и учился в Парижской политехнической школе.

С начала войны жизнь становилась все труднее: оккупация ложилась на всех тяжким бременем. Брат писал, что в Париже полно немецких войск, нацисты ввели для парижан строжайшие правила, комендантский час начинался в восемь вечера. Повсюду разместили блокпосты, и жители старше шестнадцати лет должны были всегда иметь при себе удостоверение личности. В октябре вышел указ о статусе евреев, из которого стало ясно, как относятся к ним оккупанты: многие, вернее, большинство французских граждан еврейского происхождения потеряли работу, были изгнаны из армии, лишены правительственных постов; журналисты-евреи подпали под запрет на профессию; студентов-евреев исключали из университетов. И это не говоря об арестах без всяких причин «нежелательных элементов». В сельской местности устраивались лагеря для интернированных, где содержались еврейские семьи, предприятия, магазины и дома которых были конфискованы немцами. Во многих городах царила атмосфера страха и тревоги, но в окрестностях Лиона все было более-менее спокойно – здесь евреев преследовали не так рьяно, как в Париже. Отец строго-настрого наказал Гаэль не задерживаться по пути из школы домой и не разговаривать с солдатами, хотя в документах и было указано, что она католичка. Семья Барбе относилась к аристократам и жила в этой округе триста лет, так что оккупанты предпочитали ее не трогать. Отец по-прежнему управлял поместьем и фермами арендаторов: с самыми богатыми лионскими евреями немцы не ссорились. Но все же однажды он сказал Гаэль, что они поступят мудро, если уедут до того, как начнутся неприятности.

Все происходившее казалось нереальным: поверить в него было трудно, – но с их знакомыми евреями пока ничего не случилось.

Ближайшей подругой Гаэль была Ребекка Фельдман, дочь уважаемого и очень богатого местного банкира. Их семья когда-то приехала из Германии, но, поскольку жили здесь на протяжении трех поколений, Фельдманы считали, что бояться им нечего. Гаэль передала Ребекке слова отца. Та сказала, что вместе с родителями обсуждала положение, но ее отец ничуть не обеспокоился. Мало того, некоторые германские офицеры даже положили деньги в его банк. Хоть до жителей и доходили слухи, что в других городах еврейские семьи победнее выгоняли из домов, что повсюду строились лагеря для интернированных лиц, ни Гаэль, ни Ребекка не знали никого, кто был отослан в лагерь. Пока что дело ограничивалось только шепотками да сплетнями.

Ни для кого не было секретом, что Фельдманы куда состоятельнее Барбе, состояние которых с годами постепенно таяло. Гаэль подслушала, как отец говорил, что они богаты землями и бедны наличными, но все необходимое у них было, а поместье по-прежнему оставалось одним из самых красивых в округе. Если не считать предупреждения родителей не вступать в разговоры с военными, Гаэль ни в чем не знала запретов, по-прежнему ездила в школу на велосипеде и останавливалась по пути, чтобы встретиться с Ребеккой. Гаэль всегда старалась выехать из дому пораньше, чтобы провести несколько минут на кухне Фельдманов, где кухарка и две горничные подавали девочкам свежие круассаны, бриоши и булочки с начинкой из расплавленного шоколада и всегда давали им в школу несколько лишних.

У Ребекки было двое младших братьев: двенадцати и четырнадцати лет – и пятилетняя сестра Лотта, которую сама Ребекка считала надоедливой отродьей, зато Гаэль обожала малышку, а та, в свою очередь, боготворила девушку. Братья Ребекки ходили в ту же школу, что и она. У Фельдманов был большой дом, конечно, не такой, как поместье Барбе, зато куда более роскошный: с прекрасной мебелью, безделушками и предметами искусства. Мать

Ребекки покупала модную одежду в Париже, носила драгоценности и меха. Гаэль любила ходить к подруге, и там ее всегда встречали очень приветливо. Ее собственная мать была скромной, более сдержанной и даже строгой, поэтому Гаэль предпочитала проводить время в доме Ребекки, где было куда веселее, чем в собственном.

До своего отъезда в университет Тома вел себя как мальчишка и вечно дразнил девушек, но в последний год очень изменился, стал серьезнее, и причиной тому была оккупация. Они с отцом часами беседовали о положении в стране, и когда Тома бывал дома, время с Гаэль он почти не проводил, считая ее еще ребенком.

За две недели до Рождества Гаэль, как обычно, по пути в школу отправилась к Ребекке, но, обогнув поворот, за которым можно было увидеть дом Фельдманов, заметила у ворот два полицейских грузовика и нескольких жандармов. Гаэль притормозила, пытаясь понять, что происходит, и тут жандармы выволокли из дома отца Ребекки. За ним тащили его жену, пытавшуюся удержать за руку вопившую от страха Лотту. Мальчиков жандармы просто столкнули с лестницы, и бедняги кубарем полетели вниз. Потом Гаэль увидела Ребекку с распущенными светлыми волосами, развевавшимися на ветру: у девушки, видимо, не было времени их заплести. Один из солдат, словно тряпичную куклу, швырнул ее в грузовик – такая она была маленькая и худенькая. Про Ребекку и Гаэль в школе часто говорили, что они похожи как сестры, только Гаэль повыше. В ту секунду, когда жандарм схватил девушку, глаза ее и Гаэль встретились, но Ребекку швырнули в грузовик, и она исчезла из виду. Один из жандармов сорвал с головы мсье Фельдмана элегантную шляпу, бросил на землю и растоптал, усмехнувшись:

– Там тебе шляпа не понадобится!

Сердце Гаэль колотилось так, что было трудно дышать. Она в ужасе наблюдала за происходящим, не смея приблизиться и не зная что делать.

Вскоре грузовики, а следом за ними и машина жандармерии отъехали. Гаэль хотела было развернуться, но вовремя поняла, что это опасно. Было совершенно непонятно, почему Фельдманов грубо вышвырнули из дома не германские солдаты, а соотечественники, французские жандармы.

Разрыдавшись, Гаэль бросилась к дому подруги, взбежала на заднее крыльцо и проникла в кухню. Кухарка и обе горничные выглядели испуганными, по комнате распространялся запах горелого хлеба, но ни одна из них не двинулась с места.

– Что случилось? Куда их увезли? – всхлипывая, выкрикнула Гаэль.

Кухарка повернулась и вдруг яростно набросилась на нее:

– Убирайся! Вон! Тебе здесь не место! Проваливай!

Она показала на дверь.

Эта женщина никогда раньше с ней так не обращалась. Гаэль заметила, что горничные плачут. За то, что работали на евреев, их пообещали арестовать, и теперь прислуга в спешке собирала вещи – сверху слышался топот.

– Куда их повезли? – в отчаянии спросила Гаэль у кухарки.

– Не знаю... возможно, в тюрьму. Им следовало бы уехать до всего этого, – горестно вздохнула та, и на сей раз ее тон не был столь свирепым. – Ты должна уйти. Больше не возвращайся. Жандармы сказали, что уже сегодня днем дом займут немцы. Фельдманы больше не вернутся.

– Мне нужно ее найти! – лихорадочно пробормотала Гаэль.

– Не нужно! – отрезала тяжеловесная женщина, грубо ее встряхнув. – Оставь это! Тебе не позволят ее увидеть!

– Как они могли?..

Гаэль давилась рыданиями, но кухарка, которая всегда была так к ней добра, подтолкнула ее к двери:

– Они евреи. Забудь, что ты их знала, и уходи, пока не поздно!

Она вытолкала девушку за дверь и заперлась, а Гаэль, спотыкаясь, слетела со ступенек, схватила велосипед и, потрясенная случившимся, страшно встревоженная за подругу, поехала в школу. Жандармы обращались с Фельдманами как с мусором: побросали в кузов грузовика и увезли. И Гаэль понятия не имела куда.

Ее так потрясло случившееся, что она по пути в школу дважды упала с велосипеда, разорвала платье, поцарапала руку, ушибла колено и в результате опоздала на уроки. Выглядела она ужасно.

– Что это с тобой? – спросил мальчишка, которого Гаэль терпеть не могла, когда вошла в класс, прихрамывая и словно в тумане.

– Упала с велосипеда по пути в школу.

Девушка решила не говорить, что случилось на самом деле: отныне никому нельзя доверять – все изменилось в один миг.

– Где Ребекка? – не унимался мальчишка, когда она попыталась его обойти.

Гаэль не хотела отвечать, но все же, не оборачиваясь, буркнула, чтобы отвязался:

– Не знаю. Может, заболела.

«Или мертва», – подумала Гаэль, и ее накрыла очередная волна ужаса. Она должна найти Ребекку, что бы ни говорила кухарка. Где бы ни содержали ее семью, она их найдет!

Гаэль не помнила, как высидела все уроки, а потом схватила велосипед и помчалась домой. Проезжая мимо дома Фельдманов, она видела, как солдаты под руководством офицера носили сундуки и чемоданы. Немцы перебирались в дом! Надо было срочно разыскать отца. Он как раз возвращался из конюшни, ведя на поводу хромую лошадь.

Гаэль рассказала ему обо всем произошедшем сегодня утром, и отец, хмурясь, резко спросил:

– Кто-то тебя видел там? Я имею в виду солдат.

– Нет. Я подождала, пока они уедут.

О том, что Ребекка видела ее, что на мгновение их взгляды встретились, прежде чем ее бросили в грузовик, Гаэль решила не говорить.

– Потом я поговорила с кухаркой, но она не знает, куда их увезли.

– В лагерь для интернированных, – уверенно бросил отец, хотя Гаэль видела, что он тоже потрясен.

Он чего-то в этом роде и боялся. Слышал, что такие истории случались в Париже, но в Лионе и его окрестностях ничего подобного не было. Но если начали забирать таких людей, как Фельдманы, значит, началась массовая акция, и ни один еврей не может чувствовать теперь себя в безопасности.

– Я запрещаю тебе возвращаться в тот дом или пытаться выяснить, где Ребекка. Ты больше не должна не только видеться с ней, но и расспрашивать про нее: тебе все равно ничего не скажут и это опасно.

– Я должна найти ее, папа, – жалко пролепетала Гаэль.

– Не смей! – завопил отец. – Немедленно иди к себе!

Гаэль с плачем вбежала в дом и, закрывшись в спальне, бросилась на кровать. Перед ее мысленным взором то и дело возникала леденящая кровь сцена.

Этим вечером точно так же была с ней строга и мать. Ни о какой дружбе не может идти и речи, все кончено. Если Гаэль начнет искать Ребекку, то навлечет беду на всю семью.

– Пообещай, что не станешь даже пытаться! – твердила бледная, измученная мать.

Она не слишком хорошо знала Фельдманов: так, встречались на школьных мероприятиях, – но ей было очевидно, что признавать знакомство с ними опасно. И если их забрали, разумно предположить, что теперь они в лагере для интернированных, где держали евреев, а может, и в концлагере где-нибудь в Германии. Также ходили слухи, что худшее еще впереди.

Гаэль не хотела спускаться к ужину, но родители настояли на своем, и она села за стол, хотя съесть так ничего и не смогла. На следующий день в школе занятий не было, поэтому она осталась в постели. Ребекка не выходила у нее из головы, а два дня спустя Гаэль случайно услышала, как двое арендаторов отца толковали о евреях, арестованных неделю назад и отвезенных в лагерь Шамбаран во Вьене, что в тридцати пяти милях к югу от Лиона и одиннадцати – от Валансена. Гаэль чувствовала, что сам Господь хотел, чтобы она получила эту информацию. На следующий день она села на велосипед и, вместо того чтобы направиться в школу, почти два часа колесила по проселочным дорогам, пока наконец не увидела лагерь, о существовании которого раньше понятия не имела. Огромная территория была окружена высокой – где-то металлической, где-то деревянной – оградой. Внутри находились какие-то домишки и палатки, большой то ли сарай, то ли конюшня, куда входили люди с вещами. Среди них были мужчины, женщины и дети всех возрастов. Пленников охраняли вооруженные солдаты, но их было не так много, как она опасалась. Кроме того, Гаэль не заметила собак и караульных вышек, что само по себе уже вселило в нее надежду.

Она ехала по ухабистой тропе, и никто пока ее не заметил. Один раз узкая проселочная дорожка подошла совсем близко к ограде, и Гаэль остановилась на несколько минут понаблюдать за происходящим. И в этот момент – просто чудо! – она вдруг увидела Мишеля, одного из братьев Ребекки, и помахала ему. Он заметил, быстро подошел к ограде и спросил с потрясенным видом:

– Что ты здесь делаешь?

– Да вот искала, куда вас увезли. Где Ребекка?

Мишель улыбнулся ей, хорошо знакомой девочке с длинными светлыми косами, хотя раньше всегда дразнил ее и всячески изводил.

– Она внутри с мамой и Лоттой. Папе удалось припрятать немного денег, и он кому-то заплатил, чтобы получить место в сарае. По ночам на улице ужасно холодно.

Скоро Рождество, вспомнила Гаэль, и снег уже не таял.

– Можно ее увидеть?

– Ты спятила? Зачем ты вообще сюда явилась? Если тебя поймают, то бросят в лагерь вместе с нами.

– Не бросят: я не еврейка, – рассудительно заметила Гаэль.

Мишель с сомнением кивнул и отправился к сестре. Гаэль прождала уже минут десять, гадая, вернется ли он, как вдруг увидела Ребекку: в одном платье, без пальто – у нее даже не было времени одеться. Пальто успел схватить только отец и отдал его жене, когда они приехали в лагерь. Теперь женщина прикрывала им Лотту. На мальчиках были свитеры, а на Ребекке – только шерстяное платье, в котором она собиралась ехать в школу. Сейчас ее трясло от холода, но она смотрела на Гаэль как на чудо.

– Тебе не следовало приходить, – испуганно пролепетала Ребекка.

Гаэль поспешно сбросила пальто и протолкнула сквозь прутья ограды.

– Ты же заболеешь, – запротестовала Ребекка, чувствуя себя виноватой за то, что взяла пальто, но оно было таким теплым...

Взгляды подруг встретились и задержались, и в них было все, что они чувствовали друг к другу.

– Не глупи! Тебе оно сейчас нужнее, чем мне. Все, убегая, но завтра вернусь, – пообещала Гаэль.

– Что, если тебя увидят? – всполошилась Ребекка.

– Не думай об этом. Все будет хорошо, глупышка, – улыбнулась Гаэль.

– Это ты глупышка, потому что пришла сюда. А теперь уезжай от греха подальше, – попросила Ребекка, кутаясь в пальто.

– Увидимся завтра, – пообещала Гаэль и села на велосипед.

– Если не приедешь, ничего страшного – заверила Ребекка, хотя очень надеялась увидеть подругу.

Гаэль развернулась и поехала обратно, изо всех сил стараясь делать вид, будто не имеет к лагерю никакого отношения, но этого не требовалось: никто ее не заметил и не остановил.

Еще два часа ушло на то, чтобы вернуться домой. Ее трясло от холода. Девушка быстро побежала к себе, пока никто не увидел, что она приехала без пальто. Ночью Гаэль пробралась на чердак и принялась рыться в своих старых вещах в надежде подобрать что-нибудь для Лотты. Наконец обнаружилось небольшое пальто, и девушка свернула его потуже, чтобы уложить в корзину на велосипеде. Вещица была из черного бархата, с горностаевым воротником, и Гаэль вспомнила, как надевала его как-то на Рождество, когда была еще жива бабушка и приехала их навестить.

За ужином она почти не разговаривала, но родители, казалось, ничего не заметили, да им и нечего было сказать друг другу: новости были слишком скверными. Мать получила письмо от Тома, пестревшее черными вымарками цензоров, но постаралась убедить себя, что с сыном все в порядке.

Назавтра Гаэль снова пропустила занятия и отправилась к лагерю, чтобы увидеть Ребекку. Та не сводила глаз с ограды и, едва заметив Гаэль, остановившуюся под деревом, подошла. Кроме пальто для Лотты девушка привезла шоколадки и яблоки, а также немного хлеба, в случае если они голодают. Гаэль не осмелилась взять еды побольше, но Ребекка с благодарностью схватила и то, что есть. Оказывается, условия в лагере ужасные: люди голодают, болеют и мерзнут. Им давали только суп, черствый хлеб и кое-какие овощи, но в столь ничтожном количестве, что пленники дрались из-за порций. Туалетов тоже было слишком мало, и все на улице. В лагере они встретили знакомых: несколько семей и двух служащих отцовского банка, – и те были потрясены, увидев их. Уж если здесь Фельдманы, то дела действительно плохи.

Отныне Гаэль каждый день после занятий ездила в лагерь, поэтому домой приезжала почти к ужину. Обедать в школе она перестала, чтобы было что отвозить Ребекке. Матери она сказала, что будет оставаться после уроков помогать младшим школьникам, а потом убирать класс, та ей поверила. Гаэль приезжала к подруге каждый день, если не считать Рождества и одной недели в феврале, когда слегла с гриппом. Каким-то чудом охранники лагеря до сих пор ее не замечали. Впрочем, это были в основном молодые ребята, да и те в небольшом количестве. И если учесть, что большинство заключенных оказались людьми семейными и с детьми, охрана не отличалась особенной бдительностью и сосредоточила внимание на обитателях лагеря, а не на людях за оградой.

Все хорошо шло до самого мая. Гаэль навещала Ребекку уже пять месяцев, когда ее впервые заметил охранник. Девушка как раз просунула сквозь прутья ограды светло-голубую ленту такого же цвета, как их глаза, и ее кусочек зацепился за колючку проволоки. Гаэль схватила его и спрятала в карман, и в этот самый момент раздался окрик охранника:

– Не двигаться! Эй! Что ты здесь делаешь? – Молодой человек изо всех сил пытался казаться свирепым, хотя едва ли был старше их и вполне мог учиться с ними в школе.

– Просто стало интересно, вот и решила спросить, что здесь такое, – пояснила Гаэль с невинным видом и даже улыбнулась, хотя сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот вырвется из груди.

– Это летний семейный лагерь, – ответил охранник, улыбаясь хорошенькой девушке. – А вы что, живете где-то поблизости?

Гаэль кивнула, и он показал винтовкой на дорожку:

– В таком случае поезжайте домой. Это место не для вас, а для бедняков: их привозят сюда на свежий воздух из городов.

Гаэль попыталась сделать вид, будто поверила ему, и, не оглядываясь, поехала по дорожке, но все же успела услышать, как охранник грубо приказал Ребекке вернуться к остальным в сарай. Чтобы не вызвать подозрений, она ехала вперед до тех пор, пока лагерь не скрылся из виду, остановилась отдышаться и успокоиться. Вынув из кармана маленький обрывок голубой ленты, Гаэль с минуту смотрела на него, думая о Ребекке. Какое счастье, что не случилось худшее! Просто невероятно, что за эти пять месяцев их ни разу не поймали. В лагерь постоянно прибывали новые люди, но никого никуда не отсылали, хотя слухи о высылке, по словам Ребекки, ходили. Мсье Фельдман пытался встретиться с комендантом, чтобы узнать, куда их повезут, но тот отказался разговаривать с заключенным. К июню население выросло с сотен до тысяч. И Гаэль, и другие ученики заметили исчезновение некоторых одноклассников. Евреев почти не осталось, и никто не упоминал о них, словно их и не было. Никто ничего не знал точно, а спрашивать нельзя – слишком опасно.

Этим летом командующий местным немецким гарнизоном потребовал, чтобы семейство Барбе освободило поместье. Мать Гаэль слегла, получив уведомление, а отец еще раз напомнил дочери о необходимости держаться подальше от военных. Когда настало время и офицеры перебрались в поместье, Барбе переселились в комнаты для слуг на чердаке, а их комнаты заняли офицеры. Теперь горничные и кухарки обслуживали немцев, а семье Барбе позволялось по вечерам спускаться вниз и готовить себе еду самим. Агата, мать Гаэль, почти не выходила из своей комнатухи: нервы расшатались из-за жизни в постоянном страхе, под одной крышей с оккупантами.

Командующий был вежлив, но Гаэль по приказу отца тоже почти все время оставалась наверху, если не считать часов, проведенных в школе или у лагерной ограды. Она ездила к Ребекке почти каждый день. Привезла ей несколько платьев из хлопка, когда стало теплее, и кое-какие вещи для Лотты. Ребекка говорила, что мать почти все время плачет и с зимы у нее не проходит кашель. Мсье Фельдмана заставляли подавать еду и чистить отхожие места вместе с остальными мужчинами. Такое трудно было представить, но Гаэль все время помнила, что и в их доме тоже живут немцы, пусть и относятся к ним вежливо. Один офицер даже оставлял на кухне шоколадки для нее, но отец не позволял ей брать их. Отец сейчас очень редко бывал дома: посещал арендаторов и работал на ферме вместе с ними, поскольку мужчин не хватало. Слава богу, командующий гарнизоном держал своих людей в узде: пока никто не пытался приставать к Гаэль.

Лето выдалось жарким. Агата постоянно болела, и Гаэль приходилось ей помогать, поэтому часто ездить в лагерь не получалось. Ребекка сказала, что и ее мать тоже все время болеет, как и многие обитатели лагеря. Среди заключенных были врачи, но что можно сделать без лекарств?

Гаэль заметила, как похудела Ребекка: кожа да кости. Подруга постоянно носила голубую ленту, что она подарила. Гаэль принесла ей еще и красную, но Ребекка предпочитала эту, светло-голубую, клочок от которой хранился у Гаэль в ящичке комода.

В сентябре начался последний учебный год. В будущем июне Гаэль получит степень бакалавра, а осенью должна отправиться в Парижский университет, но отец уже сообщил, что никуда она не поедет. В Париже полно немецких солдат, и он не хотел, чтобы дочь жила там одна. Достаточно скверно уже то, что Тома сейчас не дома, а девушке и подавно там делать нечего. Придется дожидаться конца оккупации, а потом уже думать об учебе. Кроме того, она нужна дома, чтобы ухаживать за матерью.

Тома приезжал в августе, всего на пару недель, а потом вернулся в Париж, где нашел работу в ресторане, чтобы платить за обучение. Денег не было, поскольку все продукты, которые они выращивали и обычно продавали, реквизиrowали немцы. Продавать было нечего, и семья жила впроголодь. Их старая домоправительница Аполлин иногда умудрялась кое-что

припрятать от офицерских обедов, но это были жалкие крохи, так что все Барбе день ото дня худели.

По мере того как стало холодать, условия жизни в лагере тоже ухудшались. Зима выдалась морозной, снег лег рано. В декабре исполнился ровно год, как Фельдманы были брошены в лагерь, но казалось, прошла вечность. По округе по-прежнему ходили слухи, что узников куда-то отошлют, но ничего не менялось. К этому времени в лагере в кошмарных условиях содержалось уже пять тысяч человек. Некоторые попали сюда из Парижа и Марселя, а по всей стране строились новые лагеря, поскольку все больше евреев лишались домов и нормальной жизни и переправлялись в лагеря для интернированных, чтобы потом оказаться в концлагерях. Их конечное место назначения было по-прежнему неизвестно и служило постоянным источником тревоги для всех.

Девушкам уже исполнилось по семнадцать лет, и Ребекка как-то спросила Гаэль, возобновится ли когда-нибудь, по ее мнению, нормальная жизнь. Подруга заверила, что это обязательно произойдет. Должно произойти. Безумие не может продолжаться вечно. Им хотелось обеим в это верить.

Слава богу, никто из Фельдманов не заболел всерьез, никого никуда не отослали. Сколько еще собираются держать их в этом лагере? С Ребеккой Гаэль могла теперь видеться почти каждый день: в лагере было так много народу, что охрана мало на что обращала внимание. В теплую летнюю погоду Гаэль усаживалась на землю вплотную к забору, и они с Ребеккой взявшись за руки, говорили обо всем на свете. Иногда подходили поздороваться ее братья. Их родители, как и Барбе, не подозревали об этих встречах. Мать Гаэль совершенно не волновало, что творится за стенами ее комнаты, отца никогда не бывало дома – хлопотал по делам поместья, – поэтому девушка могла делать все, что пожелает.

В марте 1942-го, через пятнадцать месяцев после того как Фельдманы оказались в лагере, все еще стояли жестокие холода. Ребекка сильно простудилась, и Гаэль показалось, что у нее жар. Она поцеловала подругу в щеку и ощутила, какая та горячая, хотя сама Ребекка дрожала в ознобе. Два дня спустя Гаэль тоже заболела – должно быть, заразилась от Ребекки, – и мать заставила ее неделю пролежать в постели, а домоправительница приносила суп на чердак.

Едва почувствовав себя лучше, Гаэль села на велосипед и поехала к Ребекке, но сразу же поняла, как ослабла. Ноги налились свинцовой тяжестью, и дорога заняла гораздо больше времени, чем обычно. Подъехав к лагерю, Гаэль сразу поняла: что-то изменилось. Но что именно? И только приблизившись к ограде, с ужасом увидела, что там никого нет, заключенные исчезли и расспросить некого. Возможно, их перевели в другой лагерь? Но как это выяснить? Совершенно вымотанная, не совсем оправившись от болезни, она молча стояла, глядя на пустой сарай и палатки. Что здесь могло случиться? Слезы струились по лицу. Все, о чем могла думать Гаэль, – о ее последней встрече с Ребеккой. Разве можно было предположить, что это прощание?

На обратном пути она остановилась в первой же деревне и зашла в маленькое кафе выпить чаю. Было так холодно, что у нее зуб на зуб не попадал, и официантка даже не взяла с нее денег. Чтобы завязать разговор, Гаэль объяснила, что недавно переболела гриппом, и как бы между прочим упомянула о лагере. Собственно, поэтому она и остановилась здесь: вдруг удастся что-нибудь выяснить.

– А куда делись люди из лагеря для интернированных? – с самым невинным видом осведомилась она.

Женщина сразу нахмурилась и прошептала:

– Не стоит и спрашивать. Они всего лишь евреи. Их увезли еще на прошлой неделе: я слышала, в концлагеря где-то на востоке. Из Парижа их тоже депортируют. Скатертью дорога! Ведь это они, говорят, навлекли на нас неприятности. Слава богу, их увезли, но, говорят, скоро

привезут новых. Только и этих здесь держать не будут: посадят в поезда и увезут. Их слишком много, поэтому начались болезни.

Тут в заведение зашел немец и потребовал пива, так что разговор прекратился. Гаэль, поблагодарив официантку, поставила на стойку пустую чашку и отправилась домой. Всю дорогу она рыдала, а оказавшись наконец в своей комнате, открыла ящик и вынула лоскуток от той ленты, что подарила Ребекке прошлым летом. Вот и все, что осталось от подруги: крошечный обрывок атласа того же цвета, что и ее глаза. Слезы катились по щекам Гаэль, когда она снова положила лоскуток в ящик, молясь, чтобы Ребекка осталась жива, чтобы когда-нибудь они встретились.

Она еще не знала, что этот момент навсегда изменил ее жизнь.

Глава 3

Дни после депортации Фельдманов и остальных узников слились в какую-то серую дымку. Гаэль притворилась, что ее настигла вторая волна гриппа, и пролежала в постели еще неделю, день и ночь думая о Ребекке, продолжая молиться за ее безопасность и засыпая в слезах. В результате, когда девушка встала с постели, она выглядела так, словно проболела год. С матерью тоже было плохо: ее беспокоили ужасные мигрени, и она редко вставала с постели. Смириться с крушением своего мира она так и не смогла, боялась немцев и всего, что слышала от домоправительницы Аполлин, когда та приносила еду.

По настоянию отца Гаэль вернулась в школу. Пришлось готовиться к июньским экзаменам на степень бакалавра, что, казалось, не имело смысла, поскольку уехать в университет ей все равно не позволят. А Тома сказал, что теперь там все по-другому. Многие профессора-евреи были депортированы. Больше их не держали долго в лагерях для интернированных, а сразу же отсылали в концлагеря в Германии. Да и ученики-евреи в школе, где училась Гаэль, не появлялись: посещать школу позволялось только христианам. Магазины и предприятия, принадлежавшие евреям, закрывались, их владельцы исчезали. Теперь в их деревне аптеки не было, и Гаэль приходилось ездить очень далеко, чтобы достать хоть какое-нибудь лекарство для матери. Но и там все, что удавалось найти, – это давно устаревшие природные средства, которые все равно не помогали. Мать от постоянных болей слабела, от отсутствия свежего воздуха бледнела, и доктор говорил, что все дело в нервах.

Немецкий офицер, поселившийся в поместье, предложил услуги одного из своих докторов, лечивших солдат, но Рафаэль де Барбе наотрез отказался: не позволит он нацисту коснуться жены, каким бы услужливым и любезным тот ни казался. Когда офицер расспрашивал Гаэль о фрау Агате, та отвечала односложно и торопилась убежать вверх. Иногда немец оставлял для них шоколадки и другие сладости, но мать говорила, что от них головная боль только усиливается. Гаэль и вовсе не могла их проглотить: ком вставал в горле при одной мысли, что из-за них, нацистов, такое случилось с Ребеккой и ее семьей. От них по-прежнему не было новостей, да Гаэль уже и не ожидала, только надеялась, что они живы и здоровы, может, находятся в месте получше, чем перенаселенный лагерь, где провели пятнадцать ужасных месяцев. Но ей так не хватало визитов к Ребекке!

Гаэль думала о подруге постоянно и надеялась увидеть снова или хотя бы узнать, куда их отослали. В июне она сдала экзамены, получила хорошие оценки, а в августе приехал Тома и рассказал о массовых депортациях и страшные истории, как забирали и увозили детей. Депортированных вели на вокзалы под охраной солдат. Люди тащили пожитки на себе. Немцы не церемонились и убивали за малейшую провинность: дерзкие слова в адрес солдат или попытку защитить жен и детей. Гаэль слушала брата и плакала.

Тома был рад увидеться с друзьями и побыть дома несколько недель. Подобно родителям и сестре он держался подальше от немцев и по ночам уходил, несмотря на предостережения отца: пил с друзьями после комендантского часа, заглядывал к старой подруге из соседней деревни. Отец не раз просил его об осторожности: в такое время никому нельзя доверять, да и солдаты пили и горланили по ночам, изводили местных жителей. Но Тома твердил, что давно привык к такому и постоянно сталкивается с чем-то подобным в Париже. Все научились жить под глазом радара. Гаэль тоже привыкла ходить с опущенным взглядом и, едва вернувшись в поместье, сразу поднималась к себе. Все поручения родителей она выполняла исправно, потому что была девушкой хорошей, спокойной и никогда никому не доставляла хлопот. Родители и понятия не имели о том, что она почти полтора года навещала Ребекку в лагере. Вот они ужаснулись бы, узнай правду! Но с Гаэль никогда ничего не случилось: в деревнях по-прежнему было безопаснее, чем в городах, тем более что она не еврейка.

Рафаэль де Барбе никогда не спорил с начальником гарнизона, всегда предпочитая дотемна пропадать на ферме и следить, чтобы все продукты регулярно передавались немцам. Иногда ему удавалось утаить немного фруктов или овощей, и тогда он нес добычу прямо на чердак, где все очень быстро съедалось. На следующий день Аполлин тайком выбрасывала очистки, чтобы даже следов не осталось. Она была глубоко предана как семье, так и Франции, хотя ей и приходилось работать на немцев, которых страстно ненавидела. Ее сын был участником Сопротивления, о чем не знал никто в семье, пока его не расстреляли вскоре после приезда Тома домой. Аполлин была безутешна, потеряв единственного сына, но и гордилась им – тем, что он успел сделать для Франции перед своей гибелью. Ее потом допрашивали, но командующий гарнизоном поручился за нее, и она убедила немцев, что понятия не имела о занятиях сына, что было не совсем правдой, но ее оставили в покое, предоставив возможность молча скорбеть о потере.

Как-то ночью Гаэль услышала, как брат тайком выбрался из дома, явно намереваясь гулять с друзьями. Выглянув из своей спальни, девушка увидела Тома с бутылкой вина в руках. Юноша подмигнул сестре и прижал палец к губам. Хотя ему уже исполнилось девятнадцать, он во многих отношениях по-прежнему оставался мальчишкой. Будучи подростком, вместе с приятелями он был весьма горазд на проделки. Теперь молодые люди только и знали, что выпивать, сквернословить и делиться сплетнями о том, что происходит в округе. В эту ночь он тоже отправился к друзьям, но Гаэль его не осуждала. После того как увезли Ребекку, у нее не осталось подруг, а школа была окончена. Теперь ей нечего было делать, кроме как ухаживать за матерью. Девушка много читала и большую часть времени проводила в своей комнате, чтобы, как приказал отец, не показываться на глаза солдатам, и, конечно, не осмеливалась, подобно брату, удираť из дому по ночам. Тома старше и смелее ее, к тому же, будучи мужчиной, рисковал меньше, чем она, девчонка.

Гаэль так и не услышала, когда Тома вернулся, и предположила, что он проскользнул к себе, когда она заснула. Сама она читала, пока не догорела свеча, а потом задремала.

Утром ее разбудили душераздирающие вопли. Гаэль выскочила из комнаты и, увидев, как отец утешает бессильно обмякшую у него на руках мать, бросилась к ним.

– Что случилось?

Еще не получив ответа, она поняла, что все это имеет какое-то отношение к Тома, и по спине пробежал холодок ужаса.

– Твой братец, идиот, удрал из дома после комендантского часа, – процедил отец, по щекам которого катились слезы. – Должно быть, напился и врезался на велосипеде прямо в патрульный грузовик. Его сбили, даже не заметив. Слава богу, погиб сразу.

Такая бессмысленная, глупая смерть, вовсе не геройская, после встречи со старыми друзьями, которые развлекались как могли. Командующий рассказал о случившемся Рафаэлю рано утром, принес извинения и выразил глубокие соболезнования. Он сам потерял жену, сына и дочь: погибли при налете, – и когда сообщал несчастному отцу ужасную новость, в глазах его стояли слезы.

Последовали мрачные дни, когда они готовили тело Тома к похоронам. Гаэль помогла отцу обмыть его, а командующий позволил похоронить юношу на территории поместья, после того как священник отслужил заупокойную службу в местной церкви. Во время похорон Агата едва держалась на ногах, и ее буквально вынесли из церкви. Там же присутствовала Аполлин: оплакивала мальчика, которого нянчила ребенком и который погиб всего через несколько дней после ее сына. Смерть Тома была одной из ужасных, бессмысленных потерь, так часто случавшихся во время оккупации. Командующий лично расследовал, не был ли пьян солдат – водитель грузовика, сбившего Тома (примерно одного с ним возраста), но неопровержимых доказательств не нашел, так что дело было закрыто.

Гаэль потеряла лучшую подругу и брата. Агата после гибели сына больше не выходила из комнаты. Ей становилось все хуже, и доктор сказал, что больше ничего не сможет для нее сделать. У нее не осталось сил вынести то, с чем приходилось жить. Временами она бредила и спрашивала у дочери, где ее брат, вернулся ли уже домой. Гаэль больше не пыталась ничего ей объяснять и просто коротко отвечала, что его нет.

Это лето стало самым тяжелым в ее жизни, а в сентябре судьба нанесла ей смертельный удар.

Гаэль слышала доносившиеся со двора громкие мужские голоса и подбежала к окну.

Сначала ей не удалось ничего рассмотреть, но потом она увидела отца, сильно загоревшего, в одежде и сапогах, которые обычно надевал для работы на ферме. С ним были еще двое. Немецкие солдаты что-то гортанно им приказывали, били прикладами. Она слышала, как отец что-то произнес, но не поняла слов, а потом раздались выстрелы.

Девушка почти слетела с лестницы черного хода и выглянула в крошечное зарешеченное оконце как раз в тот момент, когда окровавленное тело отца рухнуло на землю. Двоих, что были с ним, постигла та же участь. Тут же прибежали другие солдаты и куда-то потащили трупы.

Гаэль была так потрясена, что лишилась и дара речи, и способности соображать. Оставалось только гадать, убьют ли их с мамой. Что же делать? То ли бежать наверх, чтобы попытаться защитить ее, то ли во двор – посмотреть, нельзя ли хоть чем-то помочь отцу. Тут она увидела, как его тело бросают в кузов грузовика, и отчетливо поняла, что он мертв, а услышав слово «сопротивление», произнесенное с сильным акцентом, осознала, что отец тайно боролся с немцами. В это невозможно было поверить: он всегда так старался во всем угождать оккупантам, требовал не высовываться, ни во что не вмешиваться. Какое уж тут Сопротивление!

Но Гаэль вспомнила, как редко отец бывал дома весь прошлый год, и в душе у нее поселилось сомнение, не может ли это быть правдой.

Выйти во двор она все-таки не осмелилась, поэтому потихоньку поднялась наверх, зашла к матери, которая все это время находилась под действием снотворного, что удалось раздобыть, и, наконец отправилась к себе. Поверить невозможно: она потеряла отца. Пока его смерть не стала для Гаэль реальностью.

Она сидела на кровати, тупо уставившись в одну точку, когда пришла рыдающая Аполлин. Домоправительница обняла ее, и теперь уже они обе стали оплакивать ужасные потери, которые понесли в этой кошмарной войне.

– Он был в той же группе Сопротивления, что и мой сын, – прошептала Аполлин совершенно потрясенной Гаэль. – Твой отец, девочка, держался храбро.

Гаэль по-прежнему не могла этому поверить и была уверена, что следующими убьют ее и мать. Аполлин прошептала, что скорее всего и ее, и добавила: если попытаться бежать, поймают, и будет еще хуже.

– Что же мне делать? – проговорила Гаэль едва слышно. – Может, действительно убежать?

Но куда они пойдут? Мать слишком слаба и морально и физически, чтобы двигаться, а тащить ее на себе Гаэль не под силу. Кроме того, никто их у себя не примет. Отец никогда ничего не говорил о своих друзьях, скрывал даже сам факт, что занимается чем-то противозаконным. Он хорошо понимал, как это опасно, и все-таки рисковал. Родные понятия не имели о тайной жизни Рафаэля де Барбе, и только Аполлин была в курсе – однажды узнала обо всем от сына, но в силу своей преданности и благородства никогда бы не сделала ничего такого, что могло подвергнуть опасности семью Барбе или собственного сына.

– Может, они позволят вам остаться здесь? – робко спросила Аполлин, зная, как слаба Агата.

Моменты просветления теперь наступали все реже, она все время хотела спать: реальность жизни и происходящее вокруг были слишком невыносимы.

– Нет, не думаю, – задумчиво протянула Гаэль, но если бы позволили, не могла же она бросить маму и бежать. Придется остаться с ней до конца.

Аполлин ушла на кухню, чтобы никто не заподозрил, что она что-то знает или с кем-то разговаривала, но через несколько часов вернулась и принесла поесть. Вместе они пересказали Агате ужасные новости, но та даже не охнула: просто лежала, уставившись в потолок остекленевшими глазами, все еще под влиянием снотворного. Дочь дала ей очередной порошок. Оставалось лишь надеяться, что, когда придут убивать, мама будет спать.

Она вдруг по-детски захныкала и, прежде чем погрузиться в сон, пробормотала имя мужа.

Днем Гаэль вызвали в кабинет командующего гарнизоном. С ним были еще два офицера. Девушка старалась не выказать страха и смело встретила взгляд офицера. Немец был мрачнее тучи.

– Знаю, вам уже известно все, что случилось сегодня утром. Произошел несчастный случай на одной из ферм. Хозяева скрывали еврейскую семью. Я не уверен, знал ли об этом ваш отец, но люди, которые обнаружили все это, посчитали, что он причастен к преступлению. Теперь они обыскивают остальные фермы, и час назад нашли еще одну семью. Мы пока не выяснили, действовали ли фермеры независимо друг от друга или ваш отец проводил тайную операцию с целью вывезти евреев из Франции. Это очень серьезные преступления против оккупационной армии и страны, поэтому приравниваются к государственной измене.

Гаэль молчала. Сейчас и ее наверняка выведут во двор и расстреляют, как отца, а если нет, то что они с матерью будут теперь делать без него?

– Итак, мадемуазель Барбе, скажите: вам было известно о деятельности вашего отца? – заговорил немец, глядя на нее в упор. На мгновение ей показалось, что в его глазах мелькнула искра сочувствия. Он же видел перед собой худенькую девочку, почти ребенка, с большими голубыми глазами, светлыми, заплетенными в косу волосами. При каждой встрече она напоминала ему погибшую дочь, и это разрывало сердце и заставляло относиться к ней снисходительнее, но так, чтобы другие офицеры не знали. Кроме того, ему очень нравился ее отец. В другое время и при других обстоятельствах они могли бы стать друзьями.

– Нет, мсье командующий, я ничего не знала: папа не посвящал нас в свои дела, – отвлек его от тягостных мыслей дрожащий голос.

Он видел, как тряслись у нее плечи, хотя девочка старалась смотреть на него храбро. Присутствующие пристально наблюдали за ней, выискивая признаки вины. Всех французов немцы считали гнусными лжецами, способными на любую мерзость, включая измену, сохраняя при этом самый невинный вид. Даже такие юные девицы, как эта, по их мнению, не были исключением. Соппротивление быстро становилось могучей и опасной силой, и немцы делали все возможное, чтобы эту силу раздавить. Правительство сдалось легко, без борьбы, но граждане страны продолжали сражаться и ставили на пути оккупантов всевозможные преграды.

Командующий гарнизоном долго колебался, прежде чем кивнуть. Хотя по глазам девушки видел, что это правда: она ничего не знала о работе отца в Соппротивлении, а поняла, что он занимается чем-то противозаконным, только после его расстрела. Девушку потрясло случившееся, но она изо всех сил пыталась сохранять выдержку. Он был уверен, что она страшно испугана.

– Я знаю о состоянии здоровья фрау Агаты, – продолжил командующий гарнизоном суровым тоном, – и трудностях, которые вас ожидают в случае депортации.

У него не было сомнений, что ее мать не переживет тяжкие испытания, да и девушка вряд ли вынесет... В том, что Агата знала еще меньше о делах мужа, особенно учитывая ее состояние, немец был уверен: герр Барбе никогда не признался бы ей, на что отважился, чтобы не подвергать риску.

– Только из сострадания я позволю вам здесь остаться, но предупреждаю: если у меня возникнет хотя бы малейшее подозрение в вашем участии в подпольной деятельности любого рода, вы немедленно будете арестованы и наказаны по всей строгости закона. Мы очень довольны, что живем именно в этом доме, нас вполне устраивает, как благодаря вам налажен наш быт, но вы должны уважать нас, подчиняться и следовать французским законам.

Гаэль лишь молча кивнула: ради матери и себя самой она была более чем готова согласиться на любые требования. Мать не переживет ни депортацию, ни тем более тюрьму, да и Гаэль тоже не хотела бы для себя подобной участи. Их комнаты на чердаке были сейчас самым безопасным местом, и она знала, что отец не стал бы ее осуждать. Теперь, когда они с матерью остались вдвоем и защитить их было некому, приходилось уповать только на милость оккупантов.

– Вам все понятно? – мрачно спросил командующий.

Она должна относиться к нему почтительно, хотя они убили отца, но им с матерью идти некуда.

– Да, мсье... – ответила Гаэль, подняв на него глаза, казавшиеся круглыми как блюдце на смертельно бледном лице.

– Хорошо. Вы можете похоронить отца как полагается, на своем семейном кладбище.

Остальным офицерам это явно не понравилось, судя по тому, как яростно они заговорили на немецком: этот человек совершил преступление против рейха, а его хоронят как героя. Командующий что-то сухо ответил, после чего снова обратился к Гаэль:

– Сделайте это быстро и без шума. Ваша мать сможет посетить церемонию?

– Вряд ли...

Он кивнул и позволил ей наконец уйти.

Гаэль тошнило, когда она поднималась на свой чердак по темной лестнице, которой до войны пользовались только слуги. Теперь это было ее жилище, в то время как немцы занимали все остальные помещения. Спасибо и за то, что командующий их пощадил. Все, чего она теперь хотела, – это покоя для матери. Бедняжка и так столько выстрадала.

Гаэль села на кровать и разразилась слезами: и облегчения, и скорби, но больше всего одиночества. Этим утром она потеряла отца, месяц назад – брата, а мать превратилась в подобие призрака, лучшая подруга исчезла.

Ночью она порылась в вещах отца, пока мать спала, но перед этим сходила к священнику. До него уже дошли печальные новости: слухи расходятся быстро. За то, что укрывали евреев, пытаясь уберечь несчастных от депортации, в тот день были расстреляны еще несколько человек из поместья. Евреев все равно выслали, а их защитников убили. Все заплатили высокую цену за мужество и сострадание, но волны зла остановить уже было невозможно.

Священник согласился отслужить панихиду по Рафаэлю де Барбе на следующий день, но по требованию командования посетить ее сможет только Гаэль.

Просматривая книги и бумаги отца, Гаэль наткнулась на конверт, где, кроме письма, были деньги, немного, но явно на такой вот случай. Долго на них не протянешь, но это все, что он мог сделать для семьи. Отец прекрасно понимал, что, если Гаэль держит в руках это письмо, значит, его уже нет, поэтому просил позаботиться о матери, быть осторожной, мудрой и спасать себя. Он написал все это лишь месяц назад и ни словом не упомянул о Соппротивлении, чтобы не подвергать опасности дочь и жену. Теперь, когда Гаэль знала, она пребывала в полном отчаянии от его смерти, но одновременно и гордилась отцом. Жаль только, что она ни о чем не догадывалась раньше, он помог бы Фельдманам, если бы дочь попросила об этом. Хотя вряд ли можно было что-то сделать, после того как они оказались в лагере для интернированных.

Ходили слухи о побегах из лагерей, но таковых было немного: большинству интернированных не хватало смелости сопротивляться или пытаться бежать. Если кто-то все-таки решался, то не всем это удавалось: многие были убиты при побеге или пойманы, возвращены и

расстреляны в назидание остальным. В лагерях было полно женщин, детей, молодых парней и мужчин постарше, которые считали, что следует вести себя смирно, не перечить, и тогда немцы пощадят их родных. Кроме того, они же французские граждане, не какие-то иностранцы. Как же может родная страна ополчиться против них и отдать оккупантам на растерзание? Почти все они – люди порядочные, уважаемые, занимают приличную должность, далеко не бедные, владеют хорошими домами, законопослушные. Это в основном адвокаты, доктора, банкиры, как мсье Фельдман, то есть прекрасно образованные специалисты, но... евреи. А это теперь считалось тяжелейшим преступлением. Никто до этого момента по-настоящему не понимал, как велика ненависть нацистов к евреям. Отныне следовало всеми силами избегать общения как с друзьями-евреями, так и с родственниками, а лучше и вовсе отречься. Все средства, имущество, любая собственность евреев подлежала конфискации. Пусть они и не совершали никаких преступлений, их лишали всего.

Гаэль сунула конверт под матрац, решив тратить деньги только на лекарства для матери или если случится что-то непредвиденное. Сейчас ничего нельзя предугадать, а это все, что у них есть.

Этой ночью Аполлин снова приходила проводить ее, но Гаэль ничего не сказала ей о деньгах. Теперь она не доверяла никому, даже верной домоправительнице: всем есть что терять, включая собственную жизнь.

На следующий день после отпевания в маленькой часовне они со священником похоронили отца в безымянной могиле, поставив простой деревянный крест. Гаэль поклялась себе после войны устроить настоящие похороны. Хорошо хоть, вообще выдали тело и они смогли похоронить его дома. А надгробие можно заказать и позже.

Отец лежал рядом с сыном, но знали об этом только Гаэль да священник.

Через два месяца Гаэль исполнилось восемнадцать, и Аполлин испекла ей небольшой хлебец – огромная роскошь в эти дни, – воткнув в него свечку. В остальном же день прошел незаметно. Она ничего не сказала матери, которая вообще не поднималась с постели и теперь принимала снотворное дважды в день, если Гаэль удавалось его достать. Сама девушка больше не отходила далеко от дома: гуляла по дорожкам поместья, иногда посещала ферму, заходила в деревню, чтобы приобрести какую-нибудь мелочь для матери и запастись продуктами по карточкам. Приходилось также ездить через две деревни в аптеку за снотворным, с помощью которого мать приспособилась избегать реальности и жить в мире собственных фантазий, где никто не мог до нее дотянуться.

Теперь Гаэль стала совсем одинокой.

Как-то днем она возвращалась из деревни, думая об отце и брате, которых ей так не хватало. Хорошо еще, что у них с матерью были еда и жилье, за что девушка мысленно в который раз поблагодарила немецкого начальника.

Гаэль была уже на полпути к дому, когда увидела полицейский грузовик. Прежде чем ее заметили, она сбросила скорость, а потом и вовсе съехала на обочину, чтобы не подвергаться допросу. Ее взору предстала знакомая картина, вмиг вернув мучительные воспоминания. Мужчину, двух маленьких детей и женщину с надрывавшимся в плаче грудничком на руках вывели из дома под дулами винтовок и приказали сесть в грузовик.

Гаэль вспомнила Фельдманов, хотя эти люди явно попроще, да и жилье бедное. В этот момент краем глаза она уловила какое-то движение и, присмотревшись, увидела малыша, который пытался выбраться из окна, расположенного у самой земли, по-видимому, подвального помещения. Мальчик прятался за ржавыми трубами, и о нем, похоже, совершенно забыли, потому что грузовик уехал. Малыш выбрался в чем был – в коротких штанишках, без пальто – и дрожал от холода. Зато был почти незаметен постороннему взгляду.

Гаэль очень боялась, что солдаты вернутся за ним, но, слава богу, этого не случилось. Посчитав, что времени прошло достаточно, она села на велосипед и проехала мимо окна, затем остановилась в нескольких футах и пешком вернулась, чтобы заглянуть за трубы, где прятался малыш. Ребенок в ужасе уставился на нее, слишком испуганный, чтобы пошевелиться. На вид ему было года четыре. Когда она протянула руку, он в ужасе съежился, пытаясь скрыться в тени, и Гаэль еле слышно произнесла:

– Не бойся, я друг.

– И ты отведешь меня к маме?

Она кивнула, хотя и знала, что лжет.

Малыш выбрался из-за труб, Гаэль быстро посадила его в корзину велосипеда, сняла пальто и поспешно накрыла с головой. Оглянувшись, чтобы убедиться, что никто их не видел, девушка предупредила:

– Сиди молча, не шуми.

Мальчик не ответил. Корзина оказалась достаточно вместительной, было очень холодно, и он, свернувшись клубочком, пытался согреться.

Гаэль села на велосипед и что есть сил принялась крутить педали, торопясь довести свой драгоценный груз. Она понятия не имела, что будет с ним делать, но знала, что нужно придумать, где его спрятать.

И тут она вспомнила про старый сарай в дальнем углу сада, куда в последнее время никто, кроме нее, не заходил. Сарай, в котором хранились садовые инструменты, стоял около кладбища. И Гаэль там бывала, когда приходила убирать могилу отца. Подвал, где в лучшие времена держали бочки с сидром, был в данный момент единственным местом, где можно спрятать ребенка по крайней мере на несколько дней.

Девушка проехала мимо поместья к кладбищу, никого, к счастью, не встретив. Когда она въехала внутрь, в пахнувший яблоками мрак сарая, уже стемнело. Земляной пол замерз и стал твердым. В подвал вела крышка люка, и в детстве они с братом любили здесь прятаться.

Гаэль осторожно вытащила мальчика из корзины и поставила на ноги. Он молча смотрел на нее в лунном свете, лившемся в окно: личико бледное, глаза огромные, испуганные.

– Как тебя зовут? – ласково спросила она, опустившись на корточки.

– Я Жакоб, – тихо ответил малыш, очевидно все еще не доверяя ей, не зная, что она собирается с ним делать.

Впрочем, не знала этого и она.

– Я Гаэль. – Девушка погладила мальчика по голове и поцеловала в щеку.

– Где моя мама?

– Не знаю, – ответила она честно и попросила, хотя и знала, что это будет нелегко для маленького ребенка: – Ты должен быть очень храбрым. Мне придется оставить тебя здесь. Ненадолго. Я скоро вернусь. Никто тебя здесь не найдет, но выходить нельзя. Обещаешь?

Для маленького ребенка перспектива остаться в полном одиночестве, к тому же в темноте, была ужасающей, но от этого зависела его жизнь.

Помедлив, малыш кивнул, а потом спросил:

– А плохие дяди сюда не придут?

– Нет, если ты не будешь выходить и шуметь. Я принесу тебе поесть.

Жакоб опять кивнул, и Гаэль, потрепав малыша по волосам, улыбнулась и вывела велосипед из сарая. Пальто она оставила, чтобы он не замерз. В поместье она гнала с такой скоростью, что даже вспотела. Всю дорогу, пока крутила педали, девушка молилась, чтобы никто не нашел мальчика, а уж она придумает, как его уберечь. Она сделает это ради Ребекки и ее семьи, ради всех тех, кого не смогла спасти. Может, хоть этого малыша удастся защитить.

Она оставила велосипед во дворе и поднялась наверх, проведать мать. Та, как обычно, спала. Гаэль отметила, что она стала почти бесплотной и сейчас при лунном свете выглядела

трупом. Оставив на тумбочке снотворное, в случае если мать проснется, она вернулась к себе, ломая голову, как быть. Нужно спуститься на кухню и попытаться украсть немного еды, потом добраться до сарая и устроить ребенка на ночь. Утром она сообразит, что делать дальше. Спрашивать совета не у кого, но нельзя же вечно держать его в сарае! Она молила Бога подсказать ей выход из положения, когда появилась Аполлин с супом и кусочком хлеба на подносе для матери и едой для нее: корочкой хлеба со стола командующего, кусочком сушеного мяса, горсткой жаркого и тоненьким ломтиком сыра. Гаэль поблагодарила ее и, завернув хлеб, мясо и сыр в салфетку, налила воды в термос, который держала в комнате. Жаркое она съела сама, поскольку отнести Жакобу его было не в чем. Час спустя она снова вышла из дома с едой в корзине и одеялом, которое взяла в бельевом чулане наверху.

Сначала, подъехав к сараю, она не смогла найти мальчика: до нее не доносилось ни звука. Он не отвечал, когда она звала его по имени, и Гаэль вдруг запаниковала, испугавшись, что его кто-то нашел и забрал, но тут увидела его глаза, блестящие в лунном свете, которые смотрели на нее.

– Привет, Жакоб, – прошептала девушка. – Я принесла тебе поесть.

Малыш медленно подошел к ней. Гаэль вынула еду из корзины и протянула ему. Жакоб с жадностью съел все до последней крошки и выпил немного воды. Примерно через час она завернула малыша в одеяло прямо поверх пальто и устроила на ночлег, оставив термос с водой. Прежде чем отправиться домой, Гаэль объяснила, что утром ему придется спуститься в подвал в случае, если вдруг кто-нибудь придет, и показала, как открывать крышку люка.

– Ничего не бойся, утром я приду, – пообещала девушка.

Жакоб достал что-то из кармана и протянул ей. Это был листок бумаги с наспех нацарапанным адресом. Видно было, что все писалось в спешке.

– Откуда это?

Гаэль даже при тусклом освещении смогла прочитать написанное, но понятия не имела, что это означает.

– Мама дала и сказала: когда меня найдут, нужно отвезти туда.

До этой минуты он не упоминал об адресе, но она сообразила, что это мать велела ему вылезти в окно и спрятаться, когда жандармы вошли в дом.

– Мы поедем туда утром, – спокойно произнесла Гаэль, гадая, во что впуталась, но обратной дороги нет. Да она и не хотела отступать. Сделает это для ребенка, для его матери и таких же, как они.

– А мама и папа там? – спросил малыш и так на нее посмотрел, что пронзил взглядом сердце.

– Не думаю. Но если мама хотела, чтобы тебя отвезли туда, значит, это самое безопасное место.

Он кивнул, успокоившись, и она уложила его на импровизированную постель, поцеловала на ночь и поехала в поместье.

Гаэль воспринимала заботу о безопасности ребенка некоей миссией. Пусть она совершенно незнакома с его матерью, но помочь ее сыну – это самое малое, что она может для нее сделать. О себе она не думала: какая разница? Что будет со всеми ими, если каждый станет жалеть только себя?

Спать она легла в одежде, чтобы утром не тратить время на одевание. В первый раз сон ее был крепок, и снилась ей подруга. Ребенка улыбалась Гаэль, а рядом стоял Жакоб. Они оба говорили, что очень ждут, когда она придет.

Глава 4

Едва рассвело, как Гаэль пробралась в сарай. Жакоб все еще спал. Она ухитрилась украсть несколько корочек хлеба для него, когда проходила мимо буфетной, и прихватила садовые инструменты, в случае если кто-нибудь, увидев ее, спросит, куда это она направляется. Придется сказать, что пора привести в порядок отцовскую могилу.

К счастью, никого по пути Гаэль не встретила, тихонько вошла и осторожно тронула мальчика за плечо. Он поначалу растерянно заморгал, но тут же узнал и вспомнил. Гаэль подвела его к порогу облегчиться, потом покормила хлебом. Искать карту она не решилась, но знала, что место, адрес которого небрежно нацарапан на бумаге, находится в двух деревнях отсюда. Как туда добраться, ей было тоже известно.

– Мне опять нужно лезть в подвал? – спросил Жакоб, но Гаэль покачала головой:

– Нет, мы поедем туда, куда велела твоя мама.

Она помогла малышу забраться в корзину и накрыла его одеялом, предварительно оставив садовые инструменты в сарае. Гаэль решила, что поездка при свете дня не вызовет никаких подозрений. На дорогу у нее чуть больше часа. Документы и разрешение на свободный проезд по стране у нее есть, и, если ребенок ничем не выдаст своего присутствия, никаких проблем возникнуть не должно. Местные солдаты никогда ее не останавливали, хоть она и была хорошенькой, потому что были предупреждены о необходимости относиться к здешним женщинам с уважением. Командующий гарнизоном был очень строг в этом отношении. Кроме того, было очевидно, что Гаэль из почтенной семьи и, мало того, живет в том же доме, где поселился начальник гарнизона.

Прежде чем покинуть поместье, она в последний раз проверила, как устроился в корзине Жакоб, и отправилась в путь проселочными дорогами среди других велосипедистов, направлявшихся в соседнюю деревню. Никто ее не остановил, не спросил документы, солдаты на блокпостах просто махали вслед, а кое-кто даже ей улыбался. И поскольку выглядела она истинной арийкой, никто ни в чем ее не заподозрил.

Около двух часов понадобилось на то, чтобы отыскать нужный адрес. На бумаге не было имени, поэтому, добравшись до места, она просто позвонила у ворот. Несколько минут спустя вышел высокий молодой человек и, подозрительно уставившись на девушку, не очень приветливо спросил:

– В чем дело? Вы кто?

Она не знала, что сказать: пароля у нее не было, инструкций – тоже, поэтому она просто ответила, кивнув на корзину:

– У меня для вас посылка.

В его глазах явно читался вопрос, на который она не могла ответить.

– Какая еще посылка?

Гаэль вытащила из кармана клочок бумаги и протянула ему: может, почерк узнает? И он действительно отреагировал немедленно:

– Заходите!

Оказавшись внутри, она стала молиться в надежде, что поступает правильно, и осторожно подняла одеяло. Жакоб сел и посмотрел на них. Молодой человек свирепого вида тут же расплылся в улыбке, поднял мальчика и прижал к груди:

– Добро пожаловать, малыш! Мы о тебе позаботимся.

– А где мама и папа? – оглянувшись по сторонам, спросил Жакоб. Парень покачал головой:

– Их здесь нет. Но зато есть друзья, которые готовы тебе помочь.

– Его зовут Жакоб, – пояснила Гаэль.

Молодой человек представился как Симон и повел гостей в глубь гаража, к неприметной двери. На стук вышла хорошенькая молодая женщина и, улыбнувшись, взяла ребенка.

– Это Жакоб, – представил малыша Симон.

Женщина смотрела на мальчика с такой добротой, словно долго ожидала его появления. Гаэль увидела в комнате и других детей. Когда дверь за ними закрылась, Симон пояснил:

– Вы как раз вовремя: сегодня вечером мы переправляем пятерых ребятишек в Шамбон, и Жакоб может поехать с ними.

Она знала, что Шамбон-сюр-Линьон находится в Оверни, в департаменте Луар, на юге Центральной Франции, но больше ничего сказать не могла, а он вел себя так, словно Гаэль сто раз там бывала.

– За последние два года мы отвезли туда более двух тысяч детей. Все – еврейские беженцы, как Жакоб. Друзья и соседи прятали их в домах, отелях, на фермах и в школах, – принялся объяснять Симон.

Через три месяца после начала оккупации Шамбон и близлежащие деревни взяли на себя заботу о еврейских детях. Движение возглавили протестанты под предводительством пастора Андре Трокме, которого прихожане считали святым. Теперь по всей Франции имелись укрытия для евреев, а люди вроде Симона и той женщины, которая взяла Жакоба, переправляли детей в безопасные места.

Каким-то чудом мать Жакоба услышала о них и записала адрес для сына, попросив отдать тому, кто его найдет.

– Мы стараемся перевезти их поближе к швейцарской границе и там прячем у местных жителей. Потом делаем им новые документы, даем другие имена.

Несколько месяцев назад пастор Трокме произнес речь в Париже, обвинив соотечественников в трусости и антисемитизме. Сам он, известный пацифист, был полон решимости противостоять местным властям. Пока его не трогали. Трокме тесно сотрудничал с американскими квакерами из Комитета службы американских друзей и его председателем Бернсом Чалмерсом, два года пытавшимся договориться об освобождении интернированных евреев, но дело не двигалось с места. Трокме превратил целые деревни по соседству в подпольную сеть, чтобы защитить и приютить еврейских детей. Симон заверил, что они самые храбрые граждане Франции и, кроме того, им помогает швейцарский Красный Крест. А шведское правительство недавно стало посылать Трокме в Шамбон финансовую помощь для более успешной работы.

– У вас что-то вроде секты? – спросила Гаэль, сбитая с толку всем, что он рассказал.

– Мы работаем на ОСИ², обществе помощи детям. Если кто-то приводит к нам детей, мы отвозим их в Шамбон. Сотрудничаем не только с пастором Трокме и американскими квакерами, но и с любым, кто к этому готов. Если когда-нибудь еще доставите нам такую «посылку», будем рады помочь.

Девушка, поколебавшись, кивнула. Теперь ей казалось, что это единственно правильный поступок. Ребекка была бы ею довольна, хотя для нее самой Гаэль ничего не смогла сделать. Все, на что она оказалась способна, – навещать, но освободить не сумела. А ведь если бы доставила в Шамбон, могла бы, наверное, спасти...

Слишком больно было думать об этом.

– Жакоб будет в надежных руках, – заверил ее Симон, провожая к воротам.

– Хорошо, что я случайно увидела, как он выбирался из дома через окно, когда забрали его родителей и еще троих детей.

– Повезло ему, что вы там оказались.

² Дословно: «оптово-сбытовой интерпрайз». Здесь – группа добровольцев, самостоятельно выявлявшая и оказывавшая помощь детям интернированных. – *Примеч. ред.*

Ей было трудно поверить, что весь город и округа так дружно сопротивляются немцам. Должно быть, пастор Трокме – необыкновенный человек, если все так его слушаются, помогают спасать детей. Подумать только, он даже смог заручиться поддержкой иностранцев!

– К завтрашнему дню он обзаведется новым именем и документами.

– А его семья? – печально спросила Гаэль, хотя уже знала ответ.

– Если их депортировали, все сильно усложняется. Переговоры по инициативе Бернса Чалмерса несколько раз заканчивались успешно, но чаще наци отсылают семьи в германские лагеря, и никто оттуда не возвращается. Большинство детей, которых мы прячем, к концу войны окажутся сиротами, если уже не стали таковыми, – мрачно заметил Симон.

Гаэль понимала, что он говорит правду и это относится и к Ребекке, которую вместе с родными отправили бог знает куда.

– Надеюсь, еще увидимся, – произнес Симон, когда она села на велосипед.

Молодой человек был немного похож на ее брата, но Гаэль постаралась не думать об этом и застенчиво пробормотала:

– Я живу в поместье Мутон-Барбе, где немцы устроили резиденцию для начальника местного гарнизона, гестаповца. Нам с матерью позволили остаться, но наверху, в помещении для прислуги.

Симон кивнул, сообразив: для того чтобы связаться с девушкой, нужно принимать все меры предосторожности, – и поразился ее смелости.

– Сегодня ты совершила великое дело, – сказал он тихо, чтобы ее приободрить.

– Жакоб еще такой маленький... А сколько они забрали таких, – вздохнула она печально.

Слишком тяжело было их вспоминать: школьных друзей, деревенских жителей, Фельдманов и многих других...

– В Талмуде говорится, что спасение даже одной жизни можно приравнять к спасению целого мира. И это правда. Если ты смогла спасти Жакоба, то совершила для него чудо.

– Ты еврей? – с любопытством спросила Гаэль.

– Нет, протестант. Реформат, как пастор Трокме. Но на самом деле разницы никакой. Протестант, католик, иудей, реформат – все мы хотим спасти этих детей. То, что творят немцы, – омерзительно! Они пытаются настроить всю страну и всю Европу против одной нации! Мы не можем их остановить, зато надеемся спасти как можно больше детей. Так что добро пожаловать в ОСИ! Желаю благополучно добраться до дома, – сказал Симон серьезно.

– Передай Жакобу мою любовь, – едва слышно ответила Гаэль и уехала, размышляя о невероятном капризе судьбы, позволившей ей вовремя найти мальчика и помочь ему укрыться.

Все рассказанное Симоном о его организации, городке Шамбон-сюр-Линьон и пасторе Трокме потрясло ее. Это же замечательно, что на свете есть такие люди! Чудесным образом осознание этого так ее воодушевило, что, даже встретив на обратном пути солдат, она не встревожилась. Теперь ей нечего скрывать. Услышит ли она когда-нибудь еще о Симоне и людях, которые работают с ним?

Следующие недели были особенно тяжелыми и угнетающими. Это было первое Рождество без отца и брата, здоровье матери неуклонно ухудшалось, большую часть времени Агата находилась под действием снотворного, и Гаэль пребывала в полном одиночестве. Чтобы не умереть от тоски, она ходила на кладбище и наводила порядок на могилах отца и брата. Както, возвращаясь домой, она почувствовала, что ее преследуют, и испугалась: вдруг это один из немецких солдат?!

Гаэль закрутила педали быстрее, но дорогу ей внезапно преградил сурового вида незнакомец с черной бородой и копной таких же волос. Прежде чем она успела уехать или сбежать, он объявил:

– Меня послал Симон из ОСИ.

Гаэль немного успокоилась, поняв, почему он здесь.

– У нас для тебя другая «посылка» – девятилетняя девочка. Нужно как можно скорее доставить ее в Сен-Шеф. Сделаешь?

Гаэль, не колеблясь, согласилась.

– Где она?

– На соседней ферме, но она не может там оставаться. Вчера у них были неприятности.

Где эта ферма? На земле отца?

Но Гаэль ничего не спросила.

– Около кладбища есть сарай с подвалом и люком, – пояснила Гаэль, ощущая прилив адреналина от осознания, что ждет впереди.

– Если я доставлю ее туда, сможешь завтра ее переправить?

Гаэль кивнула. Городок, о котором упомянул незнакомец, был в трех часах езды отсюда, а девятилетнюю девочку не спрячешь в корзине.

Она лихорадочно соображала, как переправить девочку в безопасное место, и неожиданно ее осенило:

– А фермер не может одолжить мне свой трактор?

– Не знаю. Думаю, одолжит, если я попрошу, – пробормотал незнакомец растерянно. – Хочешь везти на тракторе?

Гаэль кивнула, и незнакомец улыбнулся. Никому и в голову такое раньше не приходило, но порой самые невероятные решения оказывались лучшими.

– Оставь его возле сада, – попросила Гаэль, и он пообещал:

– Хорошо. Девочка сегодня ночью будет в сарае.

– Я заеду за ней рано утром. И надо одеть ее в рабочую спецовку, – предупредила Гаэль.

Через минуту они уселись на велосипеды и разъехались в противоположные стороны. У Гаэль была вся ночь, чтобы обдумать план и решить, не слишком ли он рискованный.

Наутро, перед рассветом, она подъехала к сараю и увидела там девушку в комбинезоне и толстом свитере. Бедняжка дрожала под одеялом, которое Гаэль оставила здесь, после того как увезла Жакоба. К облегчению девушки, оказалось, что у малышки светлые волосы, так что можно запросто выдать ее за сестру. Они даже чем-то похожи. Девочка очень хорошенькая. Спросив, как ее имя – Изабель, – Гаэль поделилась с ней своим планом. Они сестры, дочери фермера, помогают отцу. Их брат в Париже, больше никого нет.

– Ну как тебе? – спросила она девушку, испуганно смотревшую на нее умными глазенками.

– Я ничего не знаю о фермах. Мы живем в городе, – нервно пробормотала Изабель.

Вся ее семья была депортирована, а она спаслась только потому, что в это время гостила у подруги. Ее спрятали друзья в соседней деревне. Она провела в подвале пять месяцев, но они посчитали, что риск слишком велик. Боялись, что скоро нагрянут власти. А ОСИ хотела переправить ее в Шамбон, подальше от беды.

– Не волнуйся, тебя не попросят вспахать поле, – заверила девочку Гаэль.

Вскоре они уже сидели на тракторе, ехать было крайне неудобно, и по пути Изабель почти не разговаривала. Трижды они миновали патрулей, но те, взглянув на девчонок, принимали их за деревенских с ближайших ферм и даже не проверяли документы и не только ни разу не заподозрили неладное, а наоборот, знаками велели проезжать поскорее. Гаэль была безумно рада, что все удалось!

Наконец они добрались до безопасного дома в Сен-Шефе. Изабель вежливо поблагодарила ее и исчезла внутри. Незнакомец, с которым Гаэль говорила накануне, уже ждал ее.

– Ну как, все удалось? – спросил он.

– Прошло идеально! – улыбнулась Гаэль. – Если хотите сделать что-то незаконное, возьмите трактор, и никто не обратит на вас внимания.

Тем более если это две девчонки – олицетворение невинности и совершенно непохожие на евреек. Немцы считали их арийками.

– Придется это запомнить, – рассмеялся мужчина, но тут же стал серьезным и добавил: – У нас для тебя будет еще одна «посылка» через несколько дней: пока он болен.

– Тяжело? – встревожилась Гаэль: ведь она не сиделка, да и опыта никакого, но, может, это не важно?

– Мы думали, воспаление легких: это была бы настоящая беда, – но доктор сказал, что всего лишь бронхит. Пусть отлежится. Мы дадим тебе знать, когда нужно ехать.

Гаэль кивнула и отправилась в обратное путешествие домой. Еще до сумерек она смогла вернуть трактор на место, пересела на велосипед и поехала домой. День был долгий, трудный: Гаэль очень боялась, что их поймают, да и шесть часов на тракторе не сахар, – поэтому сразу отправилась к себе и рухнула в постель.

Следующие две недели к ней никто не приходил, и Гаэль гадала, что стало с больным ребенком. И пусть пока она перевезла в безопасное место только двоих детей, произошедшее придало новое значение, цель и глубину ее жизни, и ей не терпелось продолжить эту работу. Гаэль особенно вдохновляло то обстоятельство, что вся деревня посвятила себя спасению детей, и она хотела внести свой вклад в общее дело и помочь.

Прошло две недели, и наконец так же неожиданно мимо нее проехал на велосипеде тот же мужчина и бросил всего одну фразу, стараясь не привлекать внимания посторонних:

– То же место, завтра, шесть утра.

Гаэль ничем не показала, что слышала его, и поехала к булочной, где купила полбуханки ржаного хлеба, а когда направилась к выходу, хозяйка окликнула ее и дала булочку с корицей для матери. Агата почти ничего не ела, и Гаэль с Аполлин были рады, если удавалось хоть чем-то ее побаловать. Снотворное напрочь лишало ее аппетита, но без него мигрени были ужасающими. И все-таки снотворное ухудшало ее состояние.

На следующей день Гаэль встала в половине шестого и сразу поехала к сараю, чтобы забрать ребенка с бронхитом. Было темно, холодно и сыро. Только она вошла, как появился Симон с корзинкой – похоже, продукты. Послышалось слабое мяуканье, словно где-то прятался котенок, и она испуганно оглянулась: Симон откинул уголок одеяла, Гаэль поняла, что на сей раз это младенец.

– О господи, сколько ему? – совершенно растерявшись, спросила она, не имея представления, как будет его перевозить.

– Восемь недель. Давид самый маленький из спасенных нами детей. Мать оставила его в мусорном ящике – было всего месяц – в тот день, когда их депортировали. К его одеяльцу прикрепили записку с нашим адресом. Горничная, обнаружившая младенца, принесла его нам, но он был болен – видимо, простудился.

Малыш словно понимал, что говорят о нем, и у Гаэль едва не разорвалось сердце от жалости. Подумать только: такой кроха – и уже потерял мать!

– Его отец – доктор, так что роды принимал на дому. Они боялись ехать в больницу, потому что евреи, хотя отец практиковал в округе двадцать лет.

Все эти истории были трагичными и шокирующими...

Гаэль подняла ребенка, прижала к себе, и он тут же принялся слюнявить ей шею и чмокать – очевидно, хотел есть.

– Как мне его везти? И что, если он заплачет?

– Может, завяжешь его в платок и повесишь на грудь, как будто он твой? Если остановят, можешь сказать, что еще не успела выправить ему документы. Вряд ли он вынесет путешествие на тракторе, да и в корзине на велосипеде его не повезешь.

Гаэль глубоко задумалась, пытаясь решить, как лучше поступить. Задание оказалось нелегким.

– Куда его нужно доставить?

– Это в паре часов пути отсюда.

Симон привез малыша с соседней фермы, но не решился самостоятельно доставить в безопасное место: вряд ли он сможет объяснить правдоподобно, откуда взялся двухмесячный младенец. Гаэль это куда проще. Кроме того, нельзя быть уверенным, что он всю дорогу станет молчать: а вдруг расплачется, захочет есть или обмочит пеленки. Кроме того, малыш по-прежнему сильно кашлял.

Симон почти сразу же уехал, оставив детское питание, предоставленное Красным Крестом. Гаэль покормила ребенка, соорудила для него перевязь из своего шерстяного шарфа и села на велосипед, громко распевая, чтобы успокоить его. Ее голос, похоже, действовал на него заволаживающе. Как бы то ни было, но малыш замолчал.

Час спустя она выехала на магистраль, и на сей раз ее остановили на блокпосту проверить документы, но о ребенке даже не упомянули. Ее бумаги были в порядке, поэтому солдат лишь спросил, куда она направляется.

– Навестить бабушку. Она его еще не видела – сильно болел.

В этот момент малыш, как по заказу, разразился устрашающим кашлем, словно в подтверждение словам.

– Не стоило вывозить его на улицу в такой холод, – пожурил солдат и добавил, что у него самого трое детей и видно, что это ее первенец.

Вид у солдата был крайне неодобрительный: слишком уж она молода и не замужем, – но он все равно улыбнулся, коснулся пальцами щеки ребенка и строгим голосом велел как можно скорее отвезти его в тепло.

Январские холода в самом деле были суровыми.

Гаэль немного испугалась, когда ее остановили, но, услышав слова солдата, облегченно вздохнула.

Через час она добралась до нужного места и с радостью отдала малыша женщинам. Ей никогда раньше не приходилось заботиться о младенцах, но она справилась – этот, похоже, прекрасно выдержал дорогу.

– Сегодня ночью у нас будет возможность перевезти его через границу, а уезжаем мы немедленно, – сказала одна из женщин. – Его переправят в Швейцарию. Только за прошлый год эта супружеская пара взяла к себе семерых спасенных детей. Поверь, повсюду немало очень добрых людей, и малышу будет хорошо с ними.

Гаэль очень надеялась, что на обратном пути не встретит того же солдата: уж точно спросит, куда девался младенец. Придется сказать, что оставила у бабушки. Солдат уже посчитал ее плохой матерью, раз вывезла больного ребенка на холод. Но, к ее огромному облегчению, патрульного Гаэль не увидела и никто ее не остановил.

Снова потянулись однообразные дни: заданий ей никто не давал, – а в феврале до нее дошли скверные новости. Об этом шептались в деревне. Немцы арестовали пастора Трокме, его помощника пастора Тейна и учителя школы в Шамбон-сюр-Линьоне. Местные власти отослали всех в лагерь для интернированных в окрестностях Лиможа, но арест духовных лидеров вызвал значительные волнения в народе, а кроме того, заключенных поддерживали швейцарский Красный Крест, американские квакеры и шведское правительство, поэтому через месяц их освободили.

Симон во время встречи заверил Гаэль, что они снова работают над спасением евреев по всей Франции. Их ничто не могло сломить, и она считала этих людей святыми. Но после их освобождения немецкие полиция и гестапо стали свирепствовать еще сильнее. В июне они вломились в школу Шамбона, арестовали восемнадцать учеников, обнаружили, что пятеро из них евреи, и отослали в концлагерь, где все вскоре были убиты. Новости об этом дошли до Франции. Немцы также арестовали Даниеля, племянника пастора Трокме, и отправили в

концлагерь Майданек, где он погиб в газовой камере. Это было последним предупреждением сотрудникам ОСИ в Оверни и по всей стране. Германское высшее командование не собиралось вечно терпеть противодействие и неповиновение, несмотря на поддержку организаций других стран, поэтому все группы ОСИ действовали крайне осторожно, а их операции стали еще более засекреченными.

Отныне Гаэль выполняла задания все чаще, это становилось очень опасным, но ее ничто не останавливало: мало того, придавало еще больше решимости делать все возможное для спасения детей. К осени 1943 года на ее счету уже было несколько десятков спасенных. Всех сначала привозили в Овернь, а оттуда большинство переправляли через швейцарскую границу, в основном через Анмас, самый безопасный маршрут.

Лионское гестапо становилось чрезвычайно бдительным и беспощадным к тем, кто перевозил еврейских детей. Несколько раз Гаэль едва не попала, но пока все обходилось. Это единственное, что оправдывало ее существование. А война все продолжалась. Ее собратья по ОСИ говорили, что она живет как во сне, и когда она стала регулярно перевозить детей, дали ей псевдоним Мари-Анж. К этому времени ей исполнилось девятнадцать лет, Ребекки не было с ней почти два года, но ей казалось, что прошла целая жизнь. Каждый раз, передавая ребенка в надежные руки, зная, что его перевезут в Шамбон или через швейцарскую границу, она молилась, чтобы Господь взамен даровал жизнь Ребекке, чтобы когда-нибудь любимая подруга вернулась к ней, но с самой депортации о Фельдманах не было никаких известий.

Глава 5

К весне 1944 года дела у немцев на фронте шли из рук вон плохо, а Соппротивление, напротив, набирало силу и препятствовало оккупантам как только возможно. Авиация союзников каждодневно совершала налеты на Германию, и ситуация оборачивалась не в пользу нацистов. К июню, когда пошли слухи об эвакуации немецкой армии из Парижа, началось повальное разграбление музеев. Немецкие офицеры массово вывозили в Германию шедевры искусства. Высшее командование и художественная комиссия за последние четыре года забрали из Лувра все, что пожелали. Герман Геринг, глава Люфтваффе и известный коллекционер, двадцать раз прилетал в Париж и отправлял в Германию вагоны с предметами искусства. Гитлер был в Париже только раз.

Дома евреев давно были разграблены, вещи присвоены теми офицерами, которые желали отправить домой трофеи, а деньги конфискованы в пользу германского правительства. Теперь даже офицеры низшего ранга хватали все, на что падал их взгляд. Потеря сокровищ Франции была источником ярости и возмущения французов, хотя страшнее всего было потерять жизнь теперь, когда предстояла последняя битва.

Но единственное, что интересовало Гаэль, были задания ОСИ и спасение детей. Некоторые просидели в укрытиях годы, но теперь их отвозили к протестантам, а Красный Крест помогал переправлять их через границу. Люди делали все, что в их силах, лишь бы дети оказались в безопасности, а Гаэль стала активным членом Соппротивления еще с тех пор, как полтора года назад увезла маленького Жакоба. К этому времени она потеряла счет детям, перевезенным в безопасные дома, переданным в надежные руки. Ей говорили, что таких тысячи, а кто-то даже называл число – пять тысяч с чем-то, но война еще шла, хотя конец, похоже, был близок. На это указывала паника среди немцев, которые уже планировали отступление и старались перед бегством прихватить с собой побольше, прикрывая наглое воровство сбором трофеев.

Гаэль как раз доставила по нужному адресу восьмилетнюю девочку, которую два года прятали в грязном подвале, и ее благодетели боялись, что немцы найдут ребенка до окончания оккупации, поэтому попросили помощи у ОСИ и связались с протестантами Шамбона. Все прошло прекрасно, как обычно, но когда Гаэль отдыхала после тяжелой поездки, к ней поднялась Аполлин и сказала, что ее хочет видеть начальник гарнизона. Он никогда не присылал солдат передавать приказы и не приходил сам и всегда оставался неизменно вежливым и учтивым, по-прежнему справлялся о здоровье ее матери, ставшей тенью той, кем была когда-то.

Несмотря на то что недоедала и была очень худа, Гаэль расцветала с каждым днем и становилась все красивее. В свои девятнадцать она была неотразима.

Девушка благодарила Бога, что ни командующий гарнизоном, ни его подчиненные не позволяли себе никаких вольностей с ней. Это так противоречило тем историям, которые она слышала в деревне! Некоторые местные девушки заводили романы с немцами и даже рожали от них детей, к величайшему возмущению остальных жителей, которые плевали в них, встретив на улице, и обзывали предательницами и шлюхами.

– Не знаешь случайно, что ему нужно? – шепотом спросила Гаэль у Аполлин, спускавшейся следом за ней.

– Он не сказал: попросил только позвать тебя в гостиную.

Когда Гаэль вошла в комнату, взгляд офицера был устремлен в пространство, словно мысли витали в миллионе миль отсюда.

Он, как всегда, справился о здоровье ее матери. Гаэль ответила, что ей не лучше и что жара только усиливает головные боли.

– Мне так жаль... Война поступила с ней очень жестоко. – Командующий гарнизоном сочувственно покачал головой, хотя оба знали, что не только с ней – война убила и покалечила огромное количество людей.

Нервы Агаты не выдержали, и здоровье, особенно после гибели мужа и сына, уже не восстановить.

– У вас все в порядке? – спросил он, как-то странно глядя на Гаэль, как никогда раньше, отчего ей на минуту стало не по себе, словно он вдруг увидел в ней женщину и ровню. – Должно быть, вам очень не хватает отца и брата.

Гаэль занервничала еще больше. Что он задумал? Впервые она не чувствовала себя в безопасности наедине с ним и молилась, чтобы ему не взбрело в голову изнасиловать ее.

Она пыталась выглядеть серьезной, почтительной и неприступной одновременно, но на деле смотрелась красивой и очень молодой, особенно для него. Гаэль знала, что он овдовел в начале войны, но бабником не казался. В отличие от многих офицеров он никогда не пытался заигрывать с местными женщинами и был всегда неизменно корректен и вежлив.

– Не стану отрицать, – призналась Гаэль, стараясь говорить ровным тоном.

Ни к чему откровенничать: ее чувства его не касаются – ведь это он виноват в смерти ее отца и, пусть и не лично, в исчезновении Фельдманов и многих других семей.

– Полагаю, вы верны своей стране, – заметил командующий гарнизоном осторожно, и по ее спине пробежала дрожь ужаса.

Неужели что-то пронюхал о ее тайной жизни?

– Да, – спокойно ответила Гаэль, изо всех сил стараясь оставаться бесстрашной.

– Вы выросли в этом доме, среди прекрасных вещей. Какое счастье, что в вашей стране так много национальных сокровищ. В Германии их тоже много, но, боюсь, мои коллеги и соотечественники ведут себя здесь чересчур алчно.

Гаэль понятия не имела, куда ведет этот разговор, но видела в его глазах боль и сожаление. Он много размышлял, перед тем как позвать ее, но не мог придумать другого способа выполнить свой план. Своим подчиненным он не доверял и старался не заводить друзей среди местных жителей, чтобы позже его не обвинили в предательстве. Будучи немцем до мозга костей, он все же не соглашался со многими приказами, которые приходилось выполнять.

– Как вы относитесь к своим национальным сокровищам – знаменитым шедеврам Франции? – спросил он прямо, сделав ударение на слове «сокровищам».

Гаэль в недоумении уставилась на него, не понимая цели вопросов, но в то же время испытала облегчение, оттого что немец не задал других, которых она панически боялась. Если узнают, ее убьют, как убили отца, Гаэль это знала, но пошла на риск добровольно: жизнь детей того стоила.

– Это счастье – иметь возможность лицезреть такие шедевры, – сказала Гаэль как можно благожелательнее, хотя в музеях не была с начала войны и меньше всего думала о национальных сокровищах, в отличие от командующего.

– Верно, – улыбнулся он снисходительно, словно они каким-то образом стали союзниками.

Может, хочет заманить ее в ловушку? Оставалось надеяться, что это не так.

– Вопреки мнению многих своих соотечественников я считаю, что искусство Франции принадлежит Франции и должно оставаться здесь, а не переправляться в Германию, куда отосланы многие предметы искусства, особенно за последние месяцы.

Командующий гарнизоном действительно страдал оттого, что ценители из высшего командования вагонами отсылали шедевры в Германию. Сам фюрер всегда страстно любил искусство, и по его приказу в австрийском Линце строили новый национальный музей.

– Некоторые шедевры, отосланные в Германию, были взяты из музеев. Остальные – из личных коллекций, конфискованных рейхом, – пояснил он серьезно. – Я считаю это непра-

вильным и просил бы вас, мадемуазель Барбе, помочь мне. Мой друг в Париже, один из старших офицеров СС, хотел бы спасти те предметы искусства, которые еще возможно, и после войны вернуть вашему правительству или в национальные музеи, откуда их забрали. Предметы из личных коллекций могут быть также возвращены владельцам, которые предъявят на них права, а до этого времени будут находиться в ваших музеях. Вы готовы мне помочь?

– Хотите, чтобы я украла их для вас? – совершенно потрясенная, выдавила Гаэль. – Меня же расстреляют...

– Пожалуй, «украла» – слишком сильно сказано. Речь идет о сохранении национальных сокровищ для правительства и коллекционеров, которым они принадлежат по праву. Нет, я не хочу, чтобы вы их воровали, тем более что они уже были однажды украдены. Кое-кто из офицеров попросил моего друга переправить несколько ценных картин в Германию, и он сумел их припрятать, чтобы потом передать французскому правительству, перед тем как мы отсюда уйдем. Есть и другие картины, но для них нужно найти безопасное место. Временно. Если вы согласитесь, я бы хотел тайно передать эти картины вам и просить вернуть все в парижский Лувр, но только после нашего ухода. Я считаю вас девушкой честной и высокоморальной, поэтому и готов доверить вам эти шедевры. И если вы согласитесь стать моей союзницей, никто об этом не должен знать, иначе нас обоих расстреляют.

– Но где же я их спрячу? – ахнула Гаэль, совершенно обескураженная его откровенностью.

– Где-нибудь на территории поместья. Я дам вам свернутые холсты, предпочтительно небольшие. О хранении больших мой друг договорился в Париже. Вы должны спрятать то, что я передам, в надежном месте и вернуть после того, как мы покинем страну, – это произойдет в ближайшие месяцы. Официально ничего не известно, конечно, но всем ясно, к чему все идет, поэтому наши люди напоследок словно обезумели и хватают все подряд не только в Париже, но и здесь в качестве сувениров на память. Только это слишком уж дорогие сувениры, такими не должны владеть обычные люди. Мы не имеем права забирать их как трофеи. Так вы готовы помочь, мадемуазель? Думаю, это очень важно для вашей страны.

Это его личный способ реституции.

Гаэль долго молча смотрела на него, пытаясь решить, не ловушка ли это, и ей почему-то показалось, что этот человек не лжет. Он очень высоко поднялся в ее глазах, особенно еще и потому, что множество разворованных картин принадлежало евреям. Похоже, он надеялся, что рано или поздно Лувр вернет их законным владельцам.

Она все еще колебалась, поэтому он счел своим долгом добавить:

– Обещаю: если попадемся, я сделаю все, чтобы защитить вас, и возьму вину на себя.

Гаэль так часто нарушала немецкие законы, что его предложение ее не пугало. И он прав: национальные сокровища, которые оккупанты все это время бесстыдно крали из музеев, принадлежат Франции. Все, что он сумеет спасти, – лишь малая часть того, что потеряли французы, но все равно это достойное дело.

Гаэль кивнула, и он улыбнулся.

– Возможно, нам следует установить небольшой ритуал: вместе пить кофе по вечерам, а потом я, например, буду давать вам буханку хлеба для матери в знак признательности за то, что четыре года жил в вашем прекрасном доме.

У нее камень с души свалился: приставать к ней он не пытался, о ее тайной жизни не догадывался. А прятать картины – кажется, такая мелочь по сравнению с тем, чем ей пришлось заниматься, даже если это слишком рискованно для них обоих.

– Я очень благодарен вам за сотрудничество. Думаю, вместе мы сделаем нечто очень важное для Франции. Мне так здесь нравится! Хотелось бы возместить причиненный нами ущерб, пусть и в ничтожно малом...

Его взгляд в упор был столь красноречив, что Гаэль все поняла. Возвращение шедевров в Лувр не сможет компенсировать гибель отца и других, но пусть будет хотя бы это.

– Вы должны пообещать, что после ухода армии вернете все в национальные музеи, а уже они определяют картины на место и найдут их владельцев.

– Конечно, – заверила Гаэль.

Немец понял, что девушка сделает то, что пообещала. Он наблюдал за ней почти четыре года, имел хорошее представление о ее характере и моральных принципах и не сомневался, что она ему не солжет, потому что верно судил о людях.

Перед уходом из гостиной он дал Гаэль буханку хлеба, и она, прижав к груди, как драгоценность, понесла ее наверх. Хлеб, и особенно багеты, были редкостью во время войны, их почти невозможно было достать, даже при наличии карточек, поэтому подарок был дорогим.

Оказавшись в безопасности крошечной чердачной комнатки, она разломала буханку и увидела внутри маленький, свернутый в трубку холст, обернутый специальной бумагой. Вынув картину, Гаэль развернула ее и разложила на кровати. Маленький Ренуар. Головка ребенка.

Она долго смотрела на картину, прежде чем снова свернуть и спрятать в ящик комода. Она понимала, что придется поискать тайник получше, тем более если будут еще картины. Что бы подумал отец, если бы узнал, чем она занимается?

Гаэль почему-то казалось, что он бы это одобрил.

Уже в постели девушка размышляла о том, что сказал немец, о его вере в нее, о Ренуаре, лежавшем в комode. Хлеб с вынутым мякишем она приберегла, чтобы на следующий день покормить мать.

Утром она долго бродила по поместью, прежде чем дошла до отцовской могилы.

– Ну и что ты об этом думаешь, папа? – спросила Гаэль.

Сначала дети, сейчас вот картины... Дети значили для нее гораздо больше и были связаны в первую очередь с Ребеккой и ее семьей, но прятать шедевры, чтобы потом вернуть в Лувр, – тоже своего рода подвиг. Сколько еще он доверит ей, прежде чем немцы уберутся отсюда? Гаэль часто мечтала о том дне, когда дом снова станет принадлежать ее семье и, может, когда-нибудь матери станет легче, а Ребекка вернется домой. Было бы замечательно снова увидеть ее!

По пути с кладбища Гаэль остановилась у садового сарая и решила, что лучшего места для тайника не найти. Здесь за шкафом сухо и прохладно, не найдет никто.

Она подумала о детях, которых прятала здесь на протяжении полутора лет. Матерям приходилось отдавать детей в незнакомые руки, но это все же было лучше, чем отправка в концлагеря, которые открыто называли лагерями смерти, где евреев убивали. Гаэль могла лишь молиться, чтобы Ребекку и ее семью не отослали в такой лагерь.

Весь июнь и июль командующий посылал за Гаэль после ужина, и она приходила в спальню родителей, которую он занимал с самого первого дня. Немец сообразил, что, если они будут встречаться в гостиной, кто-нибудь из офицеров может войти и заподозрить неладное. Правда, любой случайный посетитель увидел бы только буханку хлеба, иногда сыр, летние фрукты из сада или сушеное мясо, которое так любили солдаты рейха. Бывало, что он давал ей шоколадки, а вместо того чтобы посылать за ней солдат, отправлял к ней более осмотрительную Аполлин. Как бы то ни было, через два месяца таких встреч никто не сомневался в том, что происходит за закрытыми дверями. Гаэль выходила из его спальни, нагруженная едой, с драгоценным багетом под мышкой. По его приказу личный повар пек багеты специально для Гаэль, вернее, для ее матери. Сначала хозяин относил их в свою комнату, вычищая мякоть, прятал внутрь картины, чтобы потом отдать девушке.

Аполлин изменила свое отношение к Гаэль, и в те ночи, когда та выходила из комнаты командующего, брезгливо взирала на нее и бросала вслед:

– Значит, цена тебе – кусок хлеба с сыром! Никогда не думала, что дойдет до этого. – И с отвращением кривила губы: эту девочку она нянчила с пеленок! – Мой сын и твой отец умерли смертью героев, а ты стала немецкой потаскухой! Я рада, что твоя мать слишком больна, чтобы все понимать! Да и хлеб она все равно не ест! Неясно, зачем ты вообще это делаешь!

Она считала Гаэль проституткой самого низкого пошиба, а та ничего не могла возразить, как-то защититься! Немец заставил ее поклясться, что никто не узнает, даже Аполлин: в садовом сарае спрятано свыше сорока ценных картин: несколько полотен Ренуара, Дега, Коро, Писарро, две небольшие – Моне. Почти все великие мастера Франции были в числе картин, отданных ей на хранение немцем. Его парижский друг, имени которого Гаэль так и не узнала, должен был, выполняя приказ, вывезти картины из Франции, но вместо этого посылал в Лион. Никто об этом не знал, и Гаэль не могла опровергнуть обвинения Аполлин: приходилось мириться с тем, что ее считают шлюхой. Остальные офицеры и солдаты думали точно так же, хотя и смеялись над командиром, который, словно перед смертью, завел роман с девятнадцатилетней соплячкой. Впрочем, они и ее считали трофеем.

В июне американцы высадились в Нормандии, но еще не добрались до Лиона. В начале июля англичане и канадцы захватили Канн, в середине июля американцы достигли Сен-Ло, а десять дней спустя взяли Котанс.

Наступление союзников было медленным, но неустанным, и немцы побежали. Первого августа был взят Авранш, а две недели спустя освобожден весь юг Франции.

В середине августа Гаэль выполнила последнее задание ОСИ и отвезла в безопасное место шестилетнего мальчика. Через несколько дней командующий гарнизоном сказал, что они уходят. Теперь в сарае лежало сорок девять произведений искусства, и во время их последней встречи она снова пообещала, что все вернет государству, как только поездка в Париж станет безопасной. Он, немец, совершил настоящий подвиг во имя Франции. К тому времени, когда его коллеги обнаружат исчезновение картин, им придется решать куда более насущные проблемы. Кроме того, всегда можно сказать, что они затерялись при перевозке. Командующий хотел знать одно: что картины попадут в хорошие руки, – и был убежден, что Гаэль можно доверять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.